КОНАН
И КАРУСЕЛЬ ВОРОВ
Северо-Запад

Annotation

Конан капитан Вольного Отряда на службе у Илдиза. Он соглашается выкрасть из потайного храма хранящуюся там статую божества и вступает в борьбу с очередным магом - Кивайдином.

Санкт-Петербург, «Северо-Запад», 1995, том 10 «Конан и карусель богов»
Поль Уинлоу. Конан и слуги чародея (повесть), стр. 123-220 (Пер. с англ. Н. Перумова)

- Уинлоу Поль
  - Глава 1.
  - Глава 2.
  - Глава 3.
  - Глава 4.
  - Глава 5.
  - Глава 6.
  - Глава 7.

Уинлоу Поль
Конан и слуги чародея

Глава 1.

Зима в Туране - самое отвратительное время года. Хотя Ильбарские горы и защищают приморские долины от северных ветров, дождевые тучи почему-то проходят свободно - и, конечно, злорадно вываливают свой холодный, мокрый, слякотный груз на головы туранских обывателей - впрочем, не только обывателей. Сам император, полубожественный Илдиз, покидает на это время Аграпур, предпочитая переждать зимнее ненастье в местах более теплых и не столь расточительных на грязь и сырость.

Но что же делать тем, кто тянет лямку опасной и трудной службы наемника? Илдиз был щедр со своими лучшими солдатами, однако если ты Капитан Вольного Отряда, обязанностей твоих с тебя никто не снимет даже и в отсутствие Правителя.

В старом добром "Красном Соколе" все оставалось по-прежнему. Отставной десятник конницы Илдиза, Моти, днем содержал довольно-таки приличное даже по столичным меркам заведение, ночами же, не в силах совладать с Маммоной, помаленьку скупал краденое. И, быть может, не в последнюю очередь благодаря воровскому серебру в "Красном Соколе" совсем не дурно кормили и подавали славное неразбавленное вино, чем грешили иные, более "честные" содержатели других таверн.

Конан-киммериец, капитан отряда наемников в армии Илдиза, сидел в своей любимой Аграпурской таверне и пил свое любимое вино из драгоценной серебряной чаши ванирской работы, время от времени лениво обмениваясь с Моти проклятиями по адресу погоды.

Киммериец провел на плацу целый день, без устали гоняя новобранцев Илдизу все время было мало тех воинов, которые у него уже были. Зима тянулась медленно и скучно. В этот год небесные владыки, верно, за что-то разгневались на Туран - и вот уже целых два месяца, декабрь и январь, дождь со снегом сменялся снегом с дождем. Дары небес моментально таяли, пропитывая сыростью и жалкие лачуги, и роскошные дворцы. Вслед за императором из города потянулась в теплые края знать; в опустевших роскошных апартаментах оставались только дворецкие да немного стражи - а это означало, что приходит хорошее время для того, чтобы несколько облегчить карманы утопающих в золоте толстосумов...

Конан сидел, потягивая вино, и прикидывал в уме, куда имело бы смысл нанести визит нынешней ночью. Жалованье его тотчас по получении уплывало в кошели содержателей питейных заведений и к веселым потаскушкам, коими всегда изобиловал славный Аграпур. И, кроме того - постоянный риск был нужен киммерийцу не меньше, чем хорошая девка. Без женщин и опасностей жизнь мужчины тотчас же утрачивает всякий смысл, считал двадцатичетырехлетний киммериец, и по мере сил старался, чтобы иметь в достатке и того, и другого. Приветствовалось, разумеется, если риск завершался хорошим вознаграждением желательно в звонкой монете.

"Так... Хан Хижрак отправился восвояси позавчера... нет, к нему идти рано - слуги еще не перепились как следует. Эмира Адраж - нет уже полторы недели. Вон, вчера ванир - золотых дел мастер говорил, что Адраж взял у него работу, а денег не заплатил, уехал и даже управляющего не оставил. Вот и славно. К нему и наведаемся". - Конан досадливо дернул щекой. Тьфу, пропасть, до чего же тоскливая житуха - он, Конан-киммериец, король воров Аренджуна и Шадизара, лучший - без хвастовства! - взломщик Аграпура, да что там

Аграпура, всего Турана! - вынужден лезть за пригоршней жалкого золота. Не за сказочным самоцветом, мечтой магов и королей, не за чудодейственным талисманом, не за полной ужасных тайн чародейской книгой - за обыкновенным презренным золотом, которые обращались столовые чаши и кубки, а также тому подобная чепуха. Нет, нельзя сказать, чтобы киммериец пренебрежительно относился к деньгам, он-то как раз относился к ним с большим уважением; однако в голове его густо роились планы разбогатеть за один присест, после чего прикупить себе небольшое, но уютное королевство, где и можно будет славно проводить время в промежутках между подобающими для мужчины занятиями, а именно: войнами. Копить же по грошу - удел труса и скряги.

- Благодарю тебя, Моти, - киммериец поднялся, бросив на прилавок мелкую серебряную монету.

- Что-то ты сегодня рано, - подивился трактирщик, - Куда ты пойдешь? Дождь, как из ведра... Да еще и снег вроде как сейчас повалит. Оставайся, Пила с Зариной сейчас выйдут танцевать...

- А, меня что-то тошнит сегодня от женских животов и ляжек, отмахнулся киммериец.

Моти понимающе прищурил один глаз.

- О, прости меня... - он ухмыльнулся. - Ну, как открывается задняя дверь в трактире, ты, надеюсь, помнишь.

Конан скорчил Моти гримасу и - для острастки, чтобы хозяин таверны не становился чересчур уж запанибрата, от души хватил кулаком по столу так, что треснули толстенные дубовые доски.

- Видал? Так что придержи язык, - внушительно произнес киммериец, вставая и запахивая плащ. Несколько побледневший Моти поспешно кивнул.

Едва Конан захлопнул за собой дверь таверны, как в лицо ему угодил здоровенный ком рыхлого, тающего, раскисшего снега, как нельзя некстати свалившегося с крыши. Киммериец выругался и сплюнул. Ночь начиналась - хуже некуда, вдобавок дождь и в самом деле шел довольно сильный. Завернувшись в плащ, Конан пустился в путь по темным, залитым водой улицам. Он шел уверенно и спокойно, высоко держа голову - как и должен, само собой, ходить Капитан императорской армии, пусть и командующий не золотопанцирной дворцовой гвардией, а лишь отрядом наемников, которых втравливают в самые опасные и чреватые потерями дела...

От "Красного Сокола" до роскошного, недавно отстроенного дворца Эмира Адража было не так и далеко. Киммериец миновал Медную Улицу, спустился с холма Мадана, вновь поднялся - теперь на Холм Ифритов, миновал небольшой участок замощенной и широкой Торговой Улицы, свернул еще раз за угол - и оказался у цели.

Эмир, надо отдать ему должное, понимал толк в дворцах. Сложенное из розового камня строение располагалось посреди обширного сада, скорее даже парка, окруженного высокой стеной. Сам дворец был трехэтажным; в стороны расходились двухэтажные крылья, охватывая специально выкопанный проточный пруд, где в теплое время жили удивительные животные, вывезенные эмиром откуда-то из тропических лесов, что лежат за Черными королевствами. Животными этими были не какие-нибудь там крокодилы или, скажем, бегемоты но твари жуткие, древние и страшные, названий которых не знал никто - быть может, что и сам эмир. Одно время по Аграпуру ходили мрачные слухи, что слуги Адража ловят по ночам пьяных нищих, чтобы скормить их ужасным живым игрушкам своего повелителя. Конан поверить в эти байки не поверил, однако ухо решил держать востро -

слишком уж часто на его пути попадались всякие малоприятные твари из давно ушедших столетий, которых роднило только одно: любимым их лакомством служила человеческая плоть.

Конан прижался к стене. Ее складывали из гладких, тщательно пригнанных друг к другу блоков, справедливо полагая, что главной преградой злоумышленнику всегда служит не столько высота стены, сколько невозможность на нее вскарабкаться. Здесь рабочие потрудились на славу - поверхность камня была словно отполирована.

Киммериец ухмыльнулся. Во всем мире не построено еще такой стены полагал он - чтобы остановить его; ведь всего-то дел - забросить наверх крюк с веревкой!

Не долго думая, он так и поступил. Однако стоило четырехзубому якорю-кошке зацепиться за гребень преграды, как до чуткого слуха Конана донесся слабый, еле слышный, но отчетливый звон сигнального колокольчика в помещении стражников. Звон этот никогда не услыхал бы обычный хайбориец, избалованный и изнеженный безопасной жизнью в городах - но Конан никогда не был избалованным хайборийцем. Его ухо приучено было слышать шуршание в траве летней ночью за несколько десятков шагов.

Киммериец досадливо скрипнул зубами. Эмир оказался несколько умнее, чем можно было ожидать, глядя на его заплывшую жиром физиономию и крошечные поросячьи глазки. Очевидно, там, поверху, были натянуты нити, проведенные в кордегардию; любой другой взломщик счел бы за лучшее отступиться, выждать более благоприятного момента, любой - но только не Конан. Неожиданные препятствия возбуждали в нем такое желание одолеть их, что Конан уже не отступал ни под каким видом. Что ж, раз для нас закрыли черный ход - войдем через парадный.

Конан ловко взмахнул рукой, посылая по веревке бегущую волну, потом подобрал упавший к его ногам якорь и спокойно двинулся к главным воротам дворца.

Навстречу ему из-за завесы дождя внезапно вынырнули восемь фигур; стражники, тяжело топоча по размокшей грязи и вздымая сапожищами фонтаны коричневых брызг, со всех ног спешили к тому месту, где неведомый вор попытался вскарабкаться на стену. Конан не без основания полагал, что сейчас примерно вдвое больше таких же стражников рассыпались по парку в поисках злоумышленника. Ну и пусть их.

- Куда это вы так, ребята? - полюбопытствовал киммериец у стражников, когда они всей толпой налетели на него.

- Э... а... ых... а ты-то кто такой? - не слишком дружелюбно смерил Конана взглядом старшина стражников, запыхавшийся от быстрого бега. - Кто ты такой и что ты делаешь здесь?!

В узких глазах караульного Конан прочел страх и недоверие. Киммериец легко мог представить себе, как этот стражник пытается думать - способность, которая никоим образом не процветала среди простых воинов Турана: "Подозрительный тип... в такой дождь, и здесь... нет, тут дело нечисто..."

- Иду по улице - вот что я здесь делаю, - невозмутимо ответил Конан. Кажется, это еще никому прежде не возбранялось.

- Ты что, это же капитан Конан! - прошипел в самое ухо старшему один из стражников. - Не задирай его, а то он враз отправит всех нас раздувать огонь под котлами Преисподней!

- Капитан Конан? - старший по-прежнему сомневался. - Ладно, проводи его, Бержак! Остальные за мной!

- Куда проводить-то?! - запоздало крикнул в спину своим товарищам оставленный с

Конаном воин, однако те, сопя и пыхтя, уже заворачивали за угол. Караульщик остался топтаться в недоумении.

- Ну, и долго ты намерен тут торчать? - не слишком любезно осведомился Конан. - Я не снес твою пустую башку лишь из уважения к твоему почтенному хозяину. Идем, не стой, как столп!

- Куда? - со страхом пробормотал воин - щуплый, невысокого роста, он даже в своем высоком шлеме едва доставал до плеча здоровенному киммерийцу.

- Куда-куда! - со злостью передразнил его Конан. - Ясное дело, к вам в караульню! Надеюсь, я смогу там хоть чуть-чуть обсушиться.

Совсем подавленный властным, повелительным тоном Конана, стражник покорно повел его вперед. Вскоре показались ворота, ведущие в парк: тяжелые железные створки были наглухо закрыты. Спутник Конана торопливо забарабанил в маленькую дверь висячим железным кольцом.

Открылся смотровой глазок.

- Это ты, Бержак? - осведомился голос из-за двери. - А кто это с тобой?

- Капитан Конан! - с отчаянием выкрикнул маленький стражник, торопясь как можно скорее разделаться с непонятным и оттого пугающим поручением. Старший велел проводить его...

- А, ну, заходите, - дверь со скрипом отворилась. Пригнувшись, киммериец зашел внутрь.

За воротами, естественно, оказалась та же самая промозглая дождливая ночь, что и снаружи; однако из открытых дверей караульни падал уютный свет от горящего очага, слышался говор нескольких мужских голосов и вкусно пахло жареным мясом.

- Ноги отсохли? - Конан пихнул своего растерявшегося провожатого в спину. - Долго мы еще тут мокнуть будем?

Растерявшийся стражник угодливо посторонился, пропуская Конана вперед. В просторной кордегардии действительно жарко пылал камин, действительно готовилось мясо над стоявшей в углу жаровней, полной синеющих углей, действительно стоял жбан с добрым замбулийским вином - словом, имелось все, что необходимо мужчине, чтобы переждать ненастье. Все, кроме девушек.

Пятеро воинов, сражавшихся в кости, оторвались от игры и уставились на пришельцев. "Хотел бы я знать, почему они здесь, а не ищут вора по саду?" мелькнуло в голове киммерийца.

Однако он знал, как нужно вести себя в таких случаях: пара крепких словечек по адресу погоды, соленая шутка, нарочно проигранный кон. Вскоре Конан расположился в караульне так же непринужденно, как и в казарме своего собственного Вольного Отряда. Его знали. Хотя многие из выполнявшихся киммерийцем поручений короля Илдиза значились строго секретными, какие-то слухи все равно просачивались. О Руке Нергала, например, о Городе Черепов или Камнях Курага...

Добрая застольная беседа только-только начала разворачиваться, как вдруг снова грянул колокол. Он помещался где-то рядом, за стеной караульни; дверь распахнулась, и всунувшийся стражник проорал:

- Опять лезут на стену!

Киммериец едва не разинул рот от удивления. Все до единого стражники вскочили на ноги, включая и низкорослого Бержака.

- Извини, капитан, но тебе нужно уйти, - развел руками старший над этими воинами. - Сам понимаешь, служба наша такая...

- Конечно, старшина, - кивнул киммериец, нарочито небрежно поднимаясь и шагая к дверям вместе со всеми. План Конана мог удастся только при абсолютной точности и молниеносности каждого движения. Шаг за порог вместе с толпящимися, толкающимися стражниками; ложное движение влево, к калитке в железных воротах; сильный рывок за кольцо и прежде, чем торопящиеся стражники успевают что-либо сообразить, киммериец уже оказался в узкой щели между створкой и стеной. В суматохе стражники не должны были ничего заметить... или заметить через несколько секунд, которые только и были нужны Конану.

Однако все вышло намного загадочнее.

- Э, а куда этот капитан делся? - внезапно остановился, как вкопанный, один из стражников.

- Да он же за калитку вышел, - заметил Бержак. - Вон он идет!

Недоверчивый стражник не поленился выглянуть за ворота.

- И в самом деле, уходит, - услыхал оторопевший Конан. - Ну ладно, запираем и айда за остальными! У колокола - Ездра и Хафар.

Воин протянул руку - закрыть калитку. Она помещалась в левой части ворот, подле самой стены караульного помещения; закрывая железную створку, стражник, естественно, смотрел уже в другую сторону - что толку глазеть на гладкие камни? Закрывая калитку, он уже отворачивался, пусть на считанные мгновения, однако и их хватило Конану, чтобы бесшумной тенью скользнуть за спиной у незадачливого стражника в темноту парка.

Остальное было делом привычки. Конан не позволил себе удивляться и изумляться по поводу того, что же сбило стражников эмира с толку; мягким стремительным шагом, так, что ничего не хрустело и не шуршало под ногами, он пробирался между деревьями.

Проложенная от ворот широкая дорога была вымощена камнем; она вела к парадному входу во дворец. По пути она огибала мрачно чернеющий пруд; на всякий случай киммериец обошел его подальше. Кто знает, действительно ли эмир Адраж держал там своих чудовищ только летом?

Окна огромного дворца были темными. Стены покрывал сплошной слой причудливой лепнины, изображавшей гирлянды сказочных цветов, среди которых резвились невиданные, причудливые звери - словом, было сделано все, чтобы облегчить киммерийцу подъем. Конан взлетел вверх по отвесной стене дворца так же легко, как поднялся бы по лестнице.

Окно отворилось быстро - рама отошла, поддавшись простому нажатию коротким и толстым кинжалом. Еще мгновение - и киммериец оказался внутри, угодив в мягкий полумрак. Подосадовав на то, что он оставляет мокрые следы на мраморном мозаичном полу, Конан осторожно двинулся вперед.

Прежде он ни разу не бывал здесь - однако аграпурские дворцы не отличались разнообразием планировки. Как правило, все здание по периметру опоясывал сквозной коридор, а окна залов, спален и тому подобного выходили во внутренние дворы. Точно так же был выстроен и дворец Адража.

Киммериец проходил мимо драгоценных, шитых золотом и серебром шпалер, мимо стоивших целое состояние скульптур, вывезенных из далекого Кхитая и тому подобных вещей. Пока стражники будут гоняться невесть за кем по темному парку, он, Конан, должен добраться если не до сокровищницы, то, по крайней мере, до личных покоев эмира, где

может найтись нечто не слишком большое, но достаточно ценное - что особенно важно, не такая вещь, которая известна всему городу и которую невозможно будет сбыть даже за десятую часть настоящей цены.

Коридор дворца освещался редкими масляными светильниками на стенах. Горела лишь одна из каждых пяти таких ламп, едва-едва рассеивая сумрак. Дворец казался пустым; инстинкт подсказывал Конану, что все оставшиеся слуги собрались сейчас где-то внизу, в людской - и вряд ли какой-нибудь особо рачительный холуй решит лишний раз совершить обход. Тем не менее подобная мысль все же могла прийти в голову кому-то из этих олухов - следовало поторапливаться.

Вскоре киммериец оказался перед высокими двустворчатыми дверями из драгоценного розового дерева. Конан коснулся ручки - замок был заперт. Киммериец усмехнулся, всунул лезвие кинжала в щель - и спустя минуту дверь покорно распахнулась.

Конан огляделся. Это был громадный торжественный зал; вдоль стен теснились столы с золотой и серебряной посудой. Пожалуй, на сей раз сойдет... вон, кубки, - и продать легко, и унести можно много. Недолго думая, киммериец принялся переправлять чаши одну за другой в свой заплечный мешок.

Если бы стражник появился даже в самом дальнем конце коридора, Конан непременно услыхал бы его шаги. Однако человек за спиной киммерийца возник совершенно бесшумно. Темная фигура - высокая, плечистая, с длинным мечом на правом боку - на правом, а не на левом, как у большинства воинов. В тишине раздался негромкий, приглушенный голос, выговаривавший хайборийские слова четко, но со странным носовым акцентом:

- Оставь на время занятие свое, о достославный Конан...

Киммериец с быстротой и ловкостью тигра повернулся на голос. Клинок словно сам собой оказался в руке. Конан поднял оружие в первую позицию - обе руки на эфесе, острие смотрит вертикально вверх - и мягкими шагами двинулся навстречу невесть откуда взявшемуся пришельцу.

- Нам нет нужды сражаться с тобой, о Конан, - не прикасаясь к оружию, прежним тихим голосом произнес странный гость. - Если бы не я и мои товарищи, тебе не удалось бы так легко и просто проникнуть сюда. Как ты думаешь, кто устроил тревогу, попытавшись влезть на стену, когда ты сидел в караульне? И как ты думаешь, чью спину видели стражники, когда ты затаился за створкой? Да и неспроста мы сумели сделать так, что ты полез к Адражу...

Киммериец чуть опустил меч. Он узнал в собеседнике человека, который, представившись ювелиром, и навел его на дом Адража.

- Чего ты хочешь? - Он был готов к любым неожиданностям. Пока не стоило ломать себе голову, что это за тип и откуда он взялся - раз пришелец в настроении поговорить, то пусть говорит... а там видно будет.

- Я хочу, чтобы ты сделал для меня кое-что. За приличное вознаграждение, разумеется.

Этот оборот разговора был Конану хорошо знаком. Его не раз нанимали для исполнения всякого рода тайных дел, требовавших звериной ловкости и отваги, которыми не смог бы похвастаться ни один из малопочтенного общества аграпурских воров и наемных убийц.

- А ты не мог найти более подходящего момента? - зарычал киммериец. Его начинало разбирать зло - в самом деле, эти остолопы что, с ума все посходили? Устраивать разговоры - и где?! В зале роскошного дворца, когда по окрестному саду в поте лица рыщет многочисленная стража!

- Сейчас, к сожалению, единственно возможный момент. Мы могли поговорить только

здесь, - сухо заметил пришелец. - Чуть позже я все тебе объясню - а пока просто послушай меня!

- Я не привык, чтобы мне приказывали всякие проходимцы! - последовал немедленный ответ. - Отойди с дороги, или, клянусь Кромом, убью!

- Я не сомневался, что ты ответишь именно так, - вздохнул странный пришелец. - Но, может, ты все-таки выслушаешь меня, а уж потом станешь хвататься за меч?

- Говори, но быстро! - Киммерийца разбирало любопытство и он ничего не мог с собой поделать. В стоявшем перед ним человеке он не чувствовал никакой потусторонней силы. Что ж... пусть скажет. Убить всегда успеем.

- Далеко отсюда, на востоке, на границе Кхитая и Вендии, есть потайной храм. Нужно пробраться в него и похитить хранящуюся там статую одного божества. Статуя нужна нам - а ты получаешь все золото храма. Возьмешь столько, сколько сможешь унести или увезти.

- Тайный храм? - недоверчиво прищурился Конан. Ему было уже далеко не четырнадцать, чтобы слушать подобные байки с раскрытым ртом и горящими глазами. Кроме того, ему совершенно не улыбалось тащиться на другой край света, даже если ему пообещают все золото мира, вдобавок - при таких обстоятельствах.

- У нас очень мало времени, - продолжал гость. - Пока мои братья водят за нос стражу, ты должен дать нам ответ.

- А если я откажусь? - прищурился Конан.

- Тогда ты не выйдешь отсюда, - вздохнул его собеседник. - Впрочем, так же, как и мы.

- Сколько можно толочь воду в ступе?! Клянусь Кромом, объясни мне - и, по возможности, быстро - почему мы можем говорить только здесь? Что, других мест не существует?

- Отчего же? Просто именно во дворце Адража хранится одна древняя вещица... она не дает услышать наш разговор тем, кому это знать совершенно не следует - и кто дорого бы дал, чтобы пронюхать, о чем мы тут беседуем!

- А, может, эту вещицу следует просто украсть? - деловито предложил Конан.

- Мы поставим на ноги весь дворец и ничего не добьемся. Адраж хитер он поставил стеречь свою главную сокровищницу вывезенных из-за Черных Королевств чудовищ. Придется их перебить, а это вызовет много шума...

- Позор - бежать от опасности, не взглянув на нее даже одним глазом! Веди, а там разберемся.

- Ты действительно этого хочешь? - незнакомец откинул капюшон и впервые взглянул прямо в глаза Конану. - Тогда мы действительно не ошиблись в выборе. Кстати, я не представился - Скарфен, я родом из Ванахейма.

Мгновение Конан смотрел на Скарфена - резкое, заостренное лицо, глубокие морщины возле углов рта и под глазами, бескровные, твердо очерченные губы, едва заметные в густой поросли усов. Подбородок выбрит тщательно, до синевы; на нем заметен неглубокий, полузаросший шрам в виде пятиконечной звезды. Серые волевые глаза, однако на самом дне их таился тщательно укрываемый от всех страх. "Он чего-то очень боится, этот Скарфен, - мелькнуло в голове Конана. - Хотел бы я знать - чего... Не стражников же, ясное дело!"

- Идем, - позвал киммерийца ванир, отбрасывая с прочерченного складками лба светлые густые волосы. - Надо спуститься в подвал.

- Ты что-то слишком хорошо знаешь этот дом, приятель, - заметил киммериец.

Скарфен криво ухмыльнулся.

- Тебе повсюду чудится предательство, Конан-киммериец... Что ж, не могу не признать твоей правоты - осторожность превыше всего. Я не следовал этому мудрому правилу... и вот поплатился.

- Может, пока идем, ты расскажешь мне, что там за чудовища? Если я правильно тебя понял, в доме нет охраны?

- Да, только слуги внизу, - кивнул Скарфен. - Но они уже изрядно выпили вина с подмешанным в него сонным порошком и теперь, полагаю, уже видят десятый сон.

- Тогда что же ты нес насчет того, что мы поставим на ноги весь дворец? - удивился Конан.

- Если бы во дворце были одни только люди... - вновь криво усмехнулся ванир. - Адраж хитер. Слуги-то спят, а вот иные сторожа - они-то могут проснуться...

- Все равно ничего не понимаю, - пожал плечами киммериец. - Если есть иные сторожа, как ты выразился - почему они до сих пор не подняли тревогу? И зачем такие сторожа, если есть другие твари, те, что из пруда?

- Откуда ж мне знать? - в свою очередь пожал плечами ванир. - Мне ведома одна легенда, но сейчас неподходящее время для рассказов.

Ведя такую беседу, они оставили позади длинный, поражающий богатством убранства коридор и начали спускаться вниз по неприметной узкой лестнице, явно предназначенной для слуг.

Они спустились на первый этаж и ванир свернул в невзрачный коридор, один из тех, что вели к людским, кухням, поварским, кладовым и прочим подобным частям дворца. Кругом царила мертвая тишь; масляные светильники стали совсем редкими.

Затем коридор внезапно раздвоился и Конан со Скарфеном запетляли по настоящему лабиринту узких проходов и комнатушек, забитых какой-то хозяйственной утварью, вроде тазов и веников.

- Это где-то здесь, - Скарфен остановился возле совершенно неприметного участка стены, ничем не отличавшегося на первый взгляд от соседних. Киммериец снял со стены ближайший светильник и поднес его к самому камню. Потайные двери всегда занимали его и он упорно старался развить в себе умение замечать тщательно замаскированные швы и щели.

- Не старайся, - заметил ванир. - Это строили не люди. Тут не помогут и все твои воровские ухватки. Придется ломать!..

Конан не успел удивиться словам Скарфена, как тот выпрямился, раскинул руки в сторону и, покачиваясь из стороны в сторону, что-то негромко забормотал нараспев. И, по мере того, как тек поток странных гортанных созвучий, тусклый свет вокруг двух искателей приключений меркнул все сильнее и сильнее, тьма наступала, окружая киммерийца и ванира сплошной непроглядной стеной. Ладони Скарфена начали слабо светиться; лицо же позеленело, приобретая совершенно трупный цвет. Казалось, из-под капюшона скалится усмехающийся череп.

"Магия! - подумал Конан. - Ох, мало мне было Иллианы и этого безумца с Камнями Курага!" Киммериец всегда старался держаться подальше от всякого рода чародеев и некромантов; однако почему-то всякий раз получалось, что ему приходилось либо сражаться с оными, либо иметь их в союзниках...

На всякий случай киммериец отступил в сторону - и вовремя, потому что между разведенными далеко в стороны ладонями ванира вспыхнула ослепительная, сверкающая дуга зеленоватого пламени - словно сноп ветвящихся молний - и, развернувшись, Скарфен

вонзил пламенную стрелу в сплошной камень стены.

Едва коснувшись гладкой поверхности, огненная дуга исчезла - зато тем же зеленым огнем засветились очертания искусно замаскированной двери; там, где полагалось находиться замку, мгновение бился яростный клубок пламени - а потом дверь бесшумно распахнулась.

Открылся узкий проход, залитый мраком; прямо от порога уходила куда-то вниз винтовая лестница. Тяжело дыша, Скарфен вытирал пот со лба.

- Возьми светильник, киммериец, - глухо произнес он, пытаясь унять бившую его дрожь. - У меня нет пока сил, чтобы зажечь иной огонь...

- Ты чародей? - поинтересовался киммериец таким будничным тоном, словно речь шла не более чем о том, блондинок предпочитает его спутник или брюнеток.

- Чародей?! - Скарфен глухо, с болью в голосе рассмеялся. - Нет, сохрани Митра, вовсе нет. То, что ты видел - это так, крохи с барского стола... - Он оборвал себя. - Ладно, пошли вниз. Не стану скрывать, хорошо бы, конечно, добыть эту вещь... С ней наши шансы на Востоке резко повысятся...

Они спускались по древним, выщербленным ступеням куда-то вниз, в непроглядный мрак. Все новые и новые витки лестницы оставались позади; и все сильнее становилась мерзкая, идущая снизу вонь. Тянуло гниющей плотью, экскрементами и тому подобной гадостью; киммериец был совершенно уверен, что они идут прямиком в пасть какого-то дракона.

- Плана этих подвалов я не знаю, - приостановился на мгновение Скарфен. - Придется идти наугад, но, я думаю, звери, если они действительно здесь, сами найдут нас.

- А как мы станем отыскивать эту твою вещицу? - как бы невзначай осведомился Конан. - Где она тут спрятана и, вообще, на что она похожа?

- Это вырезанная из цельного светящегося изумруда фигурка Размышляющего Ханумана, - отозвался Скарфен, доставая левой рукой из ножен свой длинный меч. - Она должна быть где-то здесь... я чувствую ее...

- Тихо! - схватил его за плечо Конан и замер, прислушиваясь.

Что-то еле слышно шелестело по камням, где-то совсем рядом раздавались одному киммерийцу слышимые мокрые шлепки; донеслось алчное, кровожадное сопение.

- Тут полным-полно каких-то тварей, - шепотом сообщил Конан своему спутнику. - Поставь-ка светильник; я думаю, их притягивает свет.

Скарфен повиновался. И в тот же миг из окружавшего их мрака (масляная лампа с трудом освещала лишь узкий круг замощенного округлым булыжником пола) - тяжело вывалилась уродливая, покрытая чешуей голова, смахивавшая на жабью. По бокам пучились маслянисто блестящие глаза; с пухлых, вывернутых наружу черных губ капала на пол слюна. Во мраке угадывалось мощное тело, поддерживаемое четырьмя напряженными, готовыми к прыжку лапами.

- Хатчи! - выкрикнул Скарфен, стремглав бросаясь в сторону. - Бей в горло, Конан!

Киммериец и чудовищная жаба прыгнули одновременно. Отчего-то страшилище выбрало первой жертвой Скарфена; тупая морда ударила ванира в грудь, отбросив куда-то в темноту. По счастью, лампа каким-то чудом уцелела и в ее тусклом свете киммериец со всей силы вогнал свой клинок в бок твари по самую рукоятку.

Раздался оглушительный рев, чешуйчатое тело конвульсивно дернулось, да так, что эфес меча вырвался из руки киммерийца. Страшная пасть лязгнула, и Скарфен вскрикнул; и в тот

же миг на спину Конана обрушился всесокрушающий удар. Он опрокинул киммерийца, лица Конана коснулась жаркая зловонная волна. Над ним, безоружным, полуоглушенным падением, нависала уродливая жабья морда еще одного хатчи. Черные слюнявые губы разомкнулись, Конан увидел ряды желтых зубов.

Подвал наполнился жутким, утробным урчанием; чудовищная глотка приближалась.

Конан обеими руками уперся в осклизлый подбородок чудовища, пытаясь выиграть несколько секунд и откатиться в сторону; мощные мускулы киммерийца взбугрились, надулись синие канаты вен, кости захрустели от поистине нечеловеческого усилия - и страшная пасть на краткий миг приостановилась. Улучив момент, Конан извернулся и, обдирая локти, вскочил на ноги. Уродливая голова чудовища повернулась следом за ним; в выпученных буркалах, казалось, застыло недоумение. Как это пища смеет ускользать?!

Прежде, чем тварь совершила новый бросок, киммериец успел подхватить меч. Укрываясь за чудовищной тушей первой жабы, что терзала Скарфена (так думал Конан), киммериец приготовился к отпору. Он не сомневался, что его странный поводырь уже мертвее мертвого, и каково же было его удивление, когда из-под черно-зеленых чешуйчатых складок на подбородке твари высунулась окровавленная рука ванира, с силой вонзила в шею жабы короткий кинжал, затем вырвала клинок и вновь ударила.

Не раздумывая, Конан обрушил меч на шею чудовища. Чешуя лопнула, брызнула вонючая кровь, окатив киммерийца с головы до ног... - Удар не пропал втуне. Чудовищные лапы дернулись, тварь конвульсивно отпрянула назад, однако она не успела отскочить на безопасное расстояние, как Скарфен приподнялся - и метнул зажатый в руке кинжал, угодив твари точно в левый глаз.

Жабе этого показалось достаточно. Она отдернулась в темноту, дальше, почти пропав из виду; вторая тварь, с которой боролся Конан, все-таки прыгнула, но теперь ее встретили сразу два выставленных клинка. Повторно ни Конан, ни Скарфен не сплоховали: мечи ударили двумя разящими молниями, с двух сторон вонзившись в горло твари. Чудовище захрипело и забулькало, из распахнувшейся пасти хлынула кровавая пена, громадные лапы судорожно заскребли по полу...

- Отрубить ей голову! - скомандовал Скарфен, с размаху опуская оружие на покрытое чешуей основание головы чудовища.

Окончательно они добили жабу только с четвертого удара. Уродливая башка отделилась от туловища, хлынул поток темной крови.

- Быстрее, хватаем статуэтку - и уходим! Хатчи наверняка переполошили уже всех, кого только могли!

От пятен жабьей крови на одежде Конана шел донельзя гнусный запах, сшибавший с ног даже здесь, в зловонном подземелье. Ванир подобрал чудом уцелевший масляный светильник и уверенно зашагал вперед. Только теперь Конан смог увидеть, что его спутник, которому полагалось бы быть растерзанным в клочья, похоже, так и не получил ни одной раны.

Они быстро шли, почти бежали по замысловатому темному лабиринту, сменившему просторное преддверие подвала, где обитали хатчи. Скарфен находил дорогу по каким-то одному ему видимым приметам; он странно торопился, поминутно оглядываясь через плечо, хотя в подземельях это совершенно бессмысленно и полагаться следует в основном на слух, а не на зрение.

- Впереди еще кто-нибудь будет? - деловито поинтересовался Конан, на ходу пытаясь

отереть клинок полой мокрого плаща.

- От Адража всего можно ждать, - рассеянно откликнулся Скарфен, останавливаясь на очередном перекрестке. - Размышляющий Хануман... он где-то поблизости...

Их окружали совершенно обычные кирпичные стены. Этот участок подвала содержался в некотором порядке - нигде ни малейших следов потеков или плесени. Очевидно, громадным хатчи было не протиснуться сюда, в узкие запутанные коридоры.

- Хотел бы я знать, кто тут чистоту наводит, - задумчиво пробормотал Конан. - Вряд ли машет метлой сам эмир... И вряд ли кто-то, кроме него самого, смог бы пройти мимо этих жаб... если только они специально не выдрессированы, хотя в это мало верится. Должен быть второй выход! Второй выход, которым пользуются слуги - может, даже один, из особо доверенных...

Киммериец поспешил сообщить это Скарфену.

- Ты прав, где-то во дворце есть и второй вход в эти подземелья, согласился ванир. - Просто я не знаю расположения этой секретной двери, и я не владею заклятьем, которое помогло бы ее отыскать... Впрочем, с хатчи мы справились - кто помешает нам вернуться тем же самым путем?..

Киммериец молча пожал плечами. В последнем он совершенно не был уверен.

Они шли все медленнее и медленнее. Скарфен взял из рук Конана светильник и, приближая его к стенам, тщательно осматривал каждый дюйм кирпичной кладки.

- Здесь! - Он отпрянул в сторону так стремительно, что Конан, гордившийся своей молниеносной реакцией, едва не налетел на ванира.

Рука Скарфена указывала на четыре кирпича возле самого пола. На первый взгляд они ничем не отличались от соседних - однако Скарфен недаром отпрыгивал подальше. Из-под кирпичей быстро-быстро изливалась темная дымящаяся жидкость, распространяя вокруг себя резкий, тошнотворный запах, от которого даже у привычного ко всему Конана начинала кружиться голова.

- Сейчас... сейчас... - бормотал ванир, поспешно творя какие-то пассы руками над дымящейся лужей. - Сейчас мы тебя образумим...

Между его ладонями вновь вспыхнул огненный мост, на сей раз темно-багряный. Не сноп ветвящихся молний, как в прошлый раз, но ровная струя спокойного огня. Скарфен пронес ее над дымящейся лужей - и та вскипела, стремительно испарившись.

- Если бы я замешкался - то сам обратился бы в такую же точно жижу, пояснил Конану ванир. - Но это все игрушки. Ставили, чтобы охранять от людей, не от таких, как я...

- Ты не человек? - тяжело взглянул на своего спутника Конан... Рука его невольно потянула из ножен меч. Скарфен чуть усмехнулся, заметив движение киммерийца, и ответил:

- Человек. Такой же, как и ты. Но как-то меня угораздило попасть в ученики к одному чародею... с тех пор и маюсь. Но разговаривать станем потом! - пальцы ванира осторожно ощупали заветные кирпичи, потом потянули один из них. Открылась черная выемка; Скарфен припал к самому полу, глубоко запустив руку в отверстие. Лицо его исказилось от напряжения; казалось, он обмер при одной мысли о том, что вожделенной статуи в тайнике может не оказаться. Однако...

- Есть! - приглушенно выдохнул ванир.

Фигурка Размышляющего Ханумана оказалась в точности такой, как и в описаниях Скарфена. Высотой в две ладони, она была искусно, с мельчайшими деталями убранства, вырезана из цельного куска чуть светящегося изнутри зеленоватого кристалла. Хануман

сидел, скрестив кривоватые ноги и сложив длинные руки-лапы на круглом животе. Крошечные глазки казались живыми; создавалось полное впечатление, что бог-обезьяна внимательно смотрит на тебя, не сводя ни на мгновение взгляда.

- Он же огромных денег стоит, - поневоле хрипло произнес Конан, со всех сторон рассмотрев статуэтку.

- Да, и тебе причитается половина, - отозвался Скарфен. - Я не люблю оставаться в должниках, возьми! - Он распахнул плащ и отвязал от пояса увесистый кожаный мешочек. Киммериец поймал кошелек на лету и даже присвистнул - золота там на вес было столько, что хватило бы купить четверть Аграпура... Не удержавшись, киммериец рванул завязки, заглянул внутрь - все правильно, тяжелое, полновесное, чистое туранское золото с горных приисков в Ильбарсах...

- Теперь надо постараться выбраться отсюда, - заметил Скарфен, аккуратно всовывая кирпичи на место. - Думаю, что не стоит зря мудрствовать, отыскивая твой второй выход, а вернуться тем же путем, что и пришли...

Они двинулись обратной дорогой. Ванир уверенно вывел из лабиринта, однако когда они добрались до зала, служившего обиталищем хатчи, оказалось, что жабы устроили всю эту кутерьму не напрасно. Подземелье заполнял мягкий, серебристый свет; над полом колыхалось нечто вроде молочно-белого тумана. По колено в его невесомых волнах стояли пять странных человекоподобных фигур, в ниспадающих тяжелыми складками плащах с низко надвинутым капюшоном. В руках, куда более длинных, чем людские, пятеро держали кто топор, кто булаву, кто шестопер. Мечей или кинжалов Конан не заметил ни у кого.

Прежде, чем киммериец успел хотя бы принять оборонительную позицию, пятеро воинов молча и бесшумно шагнули вперед, а Скарфен вдруг захрипел, как будто ему не хватало воздуха, и, рванув Конана за плечо, потащил его назад, в лабиринт узких ходов, откуда они только что вышли. Черные плащи неспешно пустились вслед за беглецами.

- Если мы не найдем выхода - нам конец! - крикнул ванир. - Но я знаю дорогу только до тайника! Дальше пойдем наобум!..

Вскоре они действительно миновали приметное место, где еще не окончательно рассеялся едко-кислый запах колдовской жидкости. Коридоры продолжали быстро ветвиться, и тут Скарфен спасовал. Теперь он просто бежал следом за Конаном, крепко прижимая к груди Размышляющего Ханумана.

Киммериец выбирал дорогу. Он не мог объяснить, почему он сворачивает влево или вправо; его просто тянуло то в одну, то в другую сторону, и он слушался своего звериного инстинкта варвара.

Как ни странно, звуков погони Конан пока не слышал. Несмотря на то, что дважды предвидение все же подводило его и они оказывались в тупиках, преследователи так и не смогли нагнать их. После недолгих метаний по запутанному лабиринту, где любой "цивилизованный" хайбориец проплутал бы неделю, Конан и Скарфен оказались подле узкой лестницы наверх. Ступени закончились мощной дверью; по счастью, она легко отворилась. Выскочив за порог, Конан и ванир поспешили задвинуть очень кстати установленные прочные железные засовы.

- Мы где-то возле поварской, - сориентировался Скарфен. Ванир тяжело дышал и беспрерывно утирал обильно струящийся пот: для бесстрашно сражавшегося с жуткой жабой человека, владеющего кое-какими секретами колдовства, он вел себя несколько странно.

- Надо убираться отсюда, - заметил Конан. - Ты не забыл, что в саду полно стражников?

- Думаю, мои братья уже все уладили, - сказал Скарфен, вновь обретая прежнее хладнокровие.

Однако выбраться из дворца оказалось далеко не так просто, как попасть в него. Слуги отнюдь не спали: вооружившись кто чем, повара, лакеи и прочая челядь по трое-четверо осторожно пробирались по коридорам, освещая себе дорогу многочисленными факелами. Им было страшно, они постоянно перекликались друг с другом - и потому Конан со Скарфеном сумели незамеченными добраться до какого-то окна. Ванир собрался было его вышибить; Конан остановил его в последний миг и аккуратно отомкнул замок острием кинжала.

В парке все было тихо; сквозь снежную пелену видны были фигуры стражников; с копьями наперевес они длинной цепочкой бежали ко дворцу.

- К стене! - скомандовал Конан. Там, где дело касалось воровства, он не терпел ничьих приказов.

Им повезло. Незамеченными они пересекли парк, в то время как у них за спинами в многочисленных дворцовых окнах один за другим загорались огни; слышались запоздалые крики.

Конан одним движением забросил якорь с веревкой на гребень; спустя мгновение киммериец оказался уже наверху. Скарфен чуть замешкался сказалось отсутствие опыта, однако вскоре Конан и ванир были уже на улице.

- Сама судьба за нас, - вдруг глухо произнес Скарфен, и голос его внезапно дрогнул. - Идем, Конан. У тебя наверняка есть надежное место, где мы могли бы поговорить - и ты не опасался бы, что я с товарищами попытаюсь отнять у тебя честно заработанные деньги.

- Ну, отчего же и не поговорить, - кивнул головой киммериец.

- А вот и мои братья, - Скарфен указал на три возникшие из пелены дождя фигуры. - Веди нас, Конан!

Глава 2.

Глухой дождливой ночью задняя дверь трактира "Красный Сокол" неслышно приоткрылась и в темный дом проскользнули пятеро закутанных в плащи мужчин. Одним из них был Конан; другим - Скарфен; еще трое - "братья" ванира. По дороге Скарфен торопливо назвал Конану их имена: Скольд, Фьюри и Эйджес. Имена ничего не говорили Конану, похоже было, что они просто выдуманы. Скольд оказался высоким и плечистым гипербореем, живо напомнившем киммерийцу его далекую юность и рабство у Колеса; Фьюри - мощным и высоким чернокожим южанином, однако не походившим статью ни на одного чернокожего, которых доводилось встречать Конану. Он носил густую черную бороду и волосы его, гладкие, ниспадали до самых плеч по северному обычаю. Губы его, тонкие и хорошо очерченные, напоминали губы северянина. Третий, Эйджес, узкими раскосыми глазами и желтой кожей походил на выходца из Кхитая - если бы не широченные плечи и мало в чем уступающие мышцам Конана мускулы. Одеты все четверо были одинаково - плотные черные плащи с громадными капюшонами, простые кожаные куртки, испачканные жидкой грязью сапоги с загнутыми носами, подобные тем, что делали в Султанапуре. Ничего необычного не заметил Конан и в их оружии - простые, неброские мечи, а у Фьюри на боку висела громадная секира.

Моти высунулся было - и тотчас исчез, ринувшись раздувать огонь и подавать на стол вино с закуской. Вскоре мокрые плащи и куртки уже сушились подле пылающего очага, на столе имелось все потребное для доброго времяпрепровождения - а в самой середине стола важно восседал изумрудный Хануман.

Первым заговорил Фьюри - глубоким, глухим, каким-то утробным голосом:

- Прими нашу благодарность, брат Конан. По доброй воле ты решился помочь нам, и мы этого не забудем. Но давай поговорим о деле. Как смотришь ты на то, чтобы совершить далекое путешествие? Вознаграждение будет очень неплохим...

- Как-то раз я уже имел глупость отправиться защищать некую рощу... проворчал киммериец. - Мне это не по нутру. Вдобавок я - капитан в армии Илдиза, вряд ли ему понравится моя отлучка.

- Насчет Илдиза можешь не беспокоиться, - прогудел Скольд. - Завтра же ты получишь его приказ отправиться в дальний поход. Один, лишь с несколькими тобой же избранными спутниками. Цель - разведка на вендийских рубежах. Это будет очень просто.

- Хочешь сказать - я у тебя в руках? - недобро ощерился киммериец.

- Нет, вовсе нет, - Скольд примирительно улыбнулся. - Все дело в тебе, Конан. Без твоего согласия я ничего не смогу сделать, - он виновато развел руками. - Не по доброй воле никто не станет выполнять опасную работу.

У Конана на этот счет имелось собственное мнение, однако он не стал спорить.

- По-моему, стоит рассказать Конану, как все было, - заметил Фьюри. Если мы не убедим его - то заставить и подавно не сможем.

Скольд, Эйджес и Скарфен молча кивнули.

- Тогда я начну, с вашего позволения, - оглядел товарищей все тот же Фьюри. - Слушай же, Конан, слушай - и ничему не удивляйся.

Вот история, рассказанная Фьюри, какой услыхал ее киммериец:

"С незапамятных времен жил-был на земле один маг, по имени Кивайдин, что значит "северо-западный ветер", хозяином которого он был. Власть он, однако, имел не только над ним, ибо был могучим чародеем. Покорны его воле были и многие обитатели адских бездн и хрустальных небесных сфер. Многих ифритов и джиннов заклял Кивайдин своим именем, и верно служили они ему после того. Однако питал он слабость к дочерям человеческим, и имел целый гарем прекрасных наложниц. И была среди них одна, именем Цхи-Шо, из далекого Кхитая. Желтоватой, точно золото, была кожа ее, и глаза напоминали черные жемчужины. Когда пела она, даже Орлы Нездешних Богов останавливали свой полет и усаживались на шпилях дворца Кивайдина, дабы послушать Цхи-Шо. Когда брала она в руки лютни, то пускалось в пляс все живое, и даже вековые деревья норовили вырваться из крепких земных объятий. И все это делала Цхи-Шо, дабы возвеселить своего господина; и была меж нею и Кивайдином великая любовь.

Однако случилось так, что Кивайдин вмешался в войну между одним из вендийский правителей и подземным племенем злобных карликов, что владели несметными богатствами. Неправедной войной пошел вендиец на подземных жителей; а Кивайдин, не разобравшись, стал помогать ему, ибо считал себя в долгу перед князем - именно он в некое время подарил магу Цхи-Шо, выкупив ее из рабства.

И не устояло племя карликов перед колдовской мощью могучего мага. Бросив несметные сокровища свои, они разбежались по свету - однако поклялись страшно отомстить чародею. И были среди уцелевших карликов двое, именами Гунар и Готорм. Хитростью прознали они о любви Кивайдина, выманили из дворца его Цхи-Шо и убили ее. А, убив, отрубили ей голову и послали страшный подарок чародею.

Не описать гнев и отчаяние Кивайдина, когда получил он ужасный дар. Казалось ему, что отняли у него и цель и смысл жизни; и в страшной ярости поклялся он тогда истребить весь род карликов, мстя за погибшую возлюбленную. Хотел он сперва сам заняться этим, однако был призван Великими Нездешними Богами, ибо затевалась во Внешнем Мире великая война между ними и Асурами. Война эта обещала выдаться долгой, и потому Кивайдин решил не откладывать месть. Отыскал он четверых людей, смелых и сильных, алкавших Знания и, в обмен на часть своего колдовского могущества, поручил им уничтожить все злокозненное племя карликов. Этими четверыми и были Скольд, Фьюри, Эйджес и Скарфен. От разных земных пределов призвал их Кивайдин в свой дворец; и, когда получили они от него, что хотели, сказал он так:

"Должно вам наказать смертью каждого карлика, куда бы ни скрылся он. Однако не можете вы просто убить их. Всемогущая судьба властвует надо всеми живыми созданиями; и участь каждого из них запечатлена в великой Книге Судеб. Все карлики, оставшиеся в живых, есть в этой Книге, и должны вы убить каждого в точном соответствии с тем, как это в ней сказано. Открывайте книгу лишь с великими предосторожностями, ибо если с ней что-либо случится, вы не выполните волю мою и гнев мой тогда будет ужасен".

Страшными карами грозил чародей людям; и поклялись они ему нерушимой клятвой Вечности, что исполнят все в точном порядке с его повелением.

- Однако нас подстерегла беда, - опустив голову, тихо говорил Фьюри. Предупреждал нас маг, что Книга Судеб - куда как непростая, и говорил, чтобы мы не открывали ее из пустого любопытства. Мы же пренебрегли его словами, гордясь обретенной колдовской силой. Не наложив нужных заклятий, мы открыли Книгу... и увидели, что изображенные на страницах ее карлики - живые. Неведомо мне, как сделалось так - скажу лишь, что стоило раскрыться

переплету, как они бросились врассыпную, и мы не смогли переловить их".

Конан поднял бровь в знак сомнения. Рассказанная тяжеловесным "высоким штилем" история казалась нелепой выдумкой.

"И в руках наших, - продолжал Фьюри, - осталась лишь пустая Книга с чистыми страницами. Более не было у нас власти преследовать и убивать карликов; нам оставалось лишь в страхе ожидать страшного возмездия. И Кивайдин вскоре узнал о случившемся; ярость его не знала границ. Поклялся он, что мы все четверо умрем такой смертью, какой еще не умирал никто из смертных; и мы в ужасе пустились в бегство. Наше счастье, что маг Кивайдин далеко; однако известно, что он послал своих слуг изловить нас и доставить к нему.

Мы бросились в самые знаменитые храмы, ища ответа, можно ли как-то спастись от ярости Кивайдина. Долгое время никто не мог сказать нам ничего обнадеживающего, пока мы не встретили странствующего жреца, что служил Древнему Богу Востока, Великому Хануману. Людям Хануман знаком в различных ипостасях - и злых, и добрых; нам же посчастливилось встретить служителя Размышляющего Ханумана. Он-то и подсказал нам, что нам следует делать.

Оказалось, с давних пор враждуют Великий Хануман и маг Кивайдин. Древний Бог потерял большую часть своей силы, однако не настолько, чтобы чародей смог бы совладать с ним. Сила Ханумана может защитить от Кивайдина та статуэтка, что мы похитили у эмира, например, не позволяет чародею слышать наши беседы, видеть нас и направлять своих псов. Однако Кивайдин очень скоро узнает о том, что фигурка в наших руках: эмир Адраж - один из его сторонников и втайне поклоняется ему.

Однако этот успех сам по себе еще ничего не значит. Нам нужно добраться до главного храма Ханумана, все еще стоящего в непроходимых джунглях у восточных рубежей Вендии. Увы, ныне этот храм в руках злобных фанатиков, служителей Черной Ипостаси великого Ханумана - поэтому нам и нужен ты, Конан, лучший боец и лучший вор в пределах хайборийских земель. Нам нужна вторая такая же статуэтка Размышляющего Ханумана, с ее помощью мы навсегда сможем оградить себя - и тебя, кстати - от мести обезумевшего чародея..."

- А если бы мы не добыли эту штуку, что тогда? - Конан ткнул пальцем в стоявшую на столе изумрудную фигурку.

- Тогда дело бы несколько осложнилось, вот и все, - сказал Скольд. Пришлось бы похищать Главный Глаз Ханумана с большой его статуи в восточном храме. Но мы не боялись осквернить то место, ибо оно уже осквернено, и Размышляющий Хануман был бы только доволен, что смог как-то помочь хоть кому-нибудь.

- Так что выбор за тобой, Конан, - проговорил Скарфен. - Мы не пожалеем никаких сокровищ для тебя, если ты вызовешься помочь нам!

- А на кой я вам? - в свою очередь спросил киммериец. - Я видел, как ты открывал потайную дверь, Скарфен. Что может помешать тебе точно так же пробраться в этот твой восточный храм и взять все, что тебе надо?

- Все не так просто, - вздохнул Эйджес, впервые вступив в разговор. Мы посвятили себя Размышляющему Хануману, и никакое колдовство не скроет нас от глаз служителей его Черной Ипостаси. Едва мы подойдем к его Храму ближе, чем на расстояние полета стрелы, как нас учует целая стая таких хищников, по сравнению с которыми хатчи в подвале эмира покажутся тебе милыми домашними зверушками. Они будут неотступно преследовать нас, и

от их взоров не скроют даже стены.

- В храм тебе придется идти одному, - подытожил Фьюри. - Дело трудное и опасное, не скрою. Но сокровищ там куда больше, чем во всей туранской казне!

Киммериец тяжело задумался. Рассказ Фьюри казался чистейшим бредом, если бы не фигурка изумрудного Ханумана перед самым носом Конана. Да и золото в кармане - оно казалось чистым и полновесным. Впрочем, одна ловкая дриада, хозяйка священной Рощи Свайолей, как-то раз в Аренджуне уже подловила его на эту удочку...

- Я должен проверить ваше золото, - угрюмо бросил киммериец.

- Понимаю тебя, - заметил Скарфен. - На твоем месте я тоже не слишком-то торопился бы доверять первому встречному... Только как ты сможешь убедиться, что это золото - настоящее? Ведь мы могли бы навести на тебя такие чары, что ты принял бы за золото все, что угодно.

- Что-то я не чувствую никаких чар, - усмехнулся киммериец, доставая из тайника Моти темную бутыль с кислотой, которую тороватый хозяин использовал для определения подлинности попадавших к нему неправедным путем золотых кубков, серег, монет и тому подобного.

С брошенной в кислоту монетой ничего не произошло. Это было настоящее золото - или же очень искусное колдовство.

- Хорошо, - сказал Конан, тщательно отмывая монету в воде. - Я верю вам. Считайте, что вы меня наняли. Так что там насчет приказа? Да, кстати аванс - как подтверждение серьезности ваших намерений.

- Ты прав, - кивнул Фьюри. - Держи!

На столе оказалось еще четыре увесистых кошелька, ни в чем не уступающих первому, полученному Конаном от Скарфена. Киммериец не поленился заглянуть во все - но там было золото, чистое золото...

Уже один этот аванс мог позволить ему купить один из императорских дворцов и содержать его по меньшей мере лет десять, ни в чем себе не отказывая.

- Тогда завтра, на заре, тебе вручат письменный приказ Илдиза, деньги, оружие и подорожную до самой границы Турана. - Поднялся Скольд. - Мы будем ждать тебя ровно в полдень у восточных ворот города. Смотри же, не болтай лишнего! Помни, Кивайдину ничего не стоит найти наш след, если о том, куда мы направились, будет знать хоть одна живая душа в этом городе.

- Я бы на его месте и так знал, куда вы направитесь, - пожал плечами Конан. - Думаю, этот ваш маг отнюдь не дурак и ему давно известно про храм Ханумана. Для него сейчас самое лучшее не гоняться за нами, а выслать к этому храму войско, да побольше. Если этот тип додумается до такого, что мы станем делать?

- Изумрудный Хануман в одиночку не сможет защитить нас от Кивайдина, сказал Эйджес. - Ты прав, Конан, магу лучше всего было бы как следует стеречь наш заветный храм - однако он далеко, а оттуда руководить своими слугами не слишком сподручно. Добытая вами со Скарфеном статуэтка не подпустит к нам гончих псов мага, однако, если он явится сам... Тогда нам конец - если к тому времени ты не проберешься в храм и не вернешься - вместе со второй такой же статуэткой.

- Ясно, - кивнул головой Конан. - Что ж, все ясно. Значит, завтра в полдень у Восточных Ворот? Ну, если так, то мне пора. Хотелось бы выспаться - перед походом.

На том они и простились.

Глава 3.

Конан обычно ночевал в комнате, что снимал у некоей мамаши Хидрат, в одном из относительно приличных кварталов Аграпура. Правда, киммериец выбрал этот дом исключительно потому, что на его первом и втором этажах помещался обыкновенный бордель, а хозяйка Хидрат частенько посылала Конану одну или двух своих девочек - в качестве благодарности за то, что ему удалось отвадить всяческих любителей запустить пятерню в не слишком толстый кошелек самой мамаши...

Однако в эту ночь киммериец решил вернуться в казармы. Отчего-то ему не улыбалась перспектива неблизкого пути по пустынным улицам ночного Аграпура. Никогда и ничего не боявшийся Конан с непонятным ему самому трепетом всматривался в темноту на перекрестках - ему казалось, что за плотными дождевыми завесами угадывается какое-то сложное движение, словно там, во мраке, ворочался неведомый зверь. Однако стоило киммерийцу вглядеться попристальнее, как все замирало, и он видел лишь изгибающиеся под ветром струи дождя...

Как бы то ни было, до казармы Конан добрался благополучно. Миновав отдавшего ему салют старательного новобранца, которого он только сегодня вовсю гонял по плацу, Конан вошел в свою крошечную каморку.

Внутри, в небольшой печурке, горел огонь - вестовой постарался - и стояла бутыль вина на столе, и лежала кое-какая снедь, и еще копченый свиной бок. Решив перекусить перед сном, киммериец уже отломил кусок хлеба от краюхи, когда в дверь осторожно и вежливо постучали.

Это совсем не походило на манеру вестового или спешного гонца с приказом. Конан обнажил меч и встал.

- Открыто! - рявкнул он, на всякий случай приготовившись к отпору.

- Позволит ли доблестный капитан Конан войти немощному старцу? раздался дребезжащий голос.

Дверь медленно приоткрылась. На пороге стоял дряхлый старик, опиравшийся на длинный белый посох, в добротной, но насквозь промокшей, заляпанной грязью одежде. Жидкие седые волосы прилипли к шишковатому черепу, а по бороденке стекал настоящий ручей; старик беспрерывно хлюпал носом, его красные, воспаленные глаза слезились.

- Ты кто такой?! - точно перед строем гаркнул Конан. Кром разорви этих лентяев-часовых! - Входи и садись к огню, однако сперва ответь, откуда ты здесь взялся!

- Спасибо тебе, капитан Конан, ты не выгнал старика за порог... пришелец осторожно, бочком, вдвинулся в комнатушку, пробираясь ближе к огню. - Что же до того, как я сюда попал - вспомни, когда в последний раз ты приказывал починить заднюю ограду воинского двора? Позавчера? Верно, там работы на день для пары настоящих каменщиков, но, если щель заделают, как же доблестные воины императора смогут тайком наведываться в город, в кабаки и к девочкам? Вот почему ограду чинят до сих пор, а я вошел сюда без всякого труда. Что же до моего имени... Тебе оно ничего не скажет.

- Я не люблю гостей, которые не называют своих имен, - заметил Конан. Тебе лучше не шутить со мной, отец.

- Меня звать Праценсом, - усмехнувшись, ответил старик. - Что тебе в этом имени?

- Праценс - один из богатейших землевладельцев Аграпура, - пристально глядя на гостя, произнес киммериец. - Я знавал его. Что-то не вижу особого сходства! - Меч киммерийца поднялся, острие было направлено в грудь старику.

- Молодец! - неожиданно похвалил тот Конана, нимало не смутясь таким оборотом дел. - У тебя острый глаз, Конан. От тебя ничего не скроешь. Как ты, наверное, уже понял, я явился сюда далеко не случайно. Мое настоящее имя - Кивайдин.

Меч киммерийца ударил в ту же секунду, ударил раньше, чем смысл сказанных слов дошел до сознания Конана. Удар был хорош. Пронзенное насквозь тело должно было повалиться на пол - однако вместо этого легко увернувшийся от выпада чародей заговорил снова:

- Это мне тоже нравится - ты не изменяешь тем, кому дал слово и на чью сторону встал. Только против меня подобные стальные игрушки тебе вряд ли помогут. Сядь. Не стоит так волноваться - я ведь пришел просто поговорить с тобой.

Конан немедленно сел. Когда чародей настолько хитер, что тебя подводит даже собственный меч, и в самом деле бывает лучше сперва вступить в переговоры и узнать, что он хочет.

- Говори, я слушаю, - собрав волю в кулак, спокойно сказал киммериец, словно ничего не случилось.

- Я хотел бы потолковать с тобой о сегодняшней ночи. Ты ведь не станешь отрицать, что проник во дворец моего доброго слуги, эмира Адража, и унес оттуда фигурку Изумрудного Ханумана?

- О чем это ты? - по-прежнему спокойно ответил киммериец. - Послушай, чародей, я хочу спать, а потому выбирай - либо ты выкладываешь, чего тебе надо, либо убираешься на все четыре стороны. Хотя на улице дождь... или остаешься здесь, но не мешаешь мне, во имя Крома!

В глазах колдуна мелькнуло удивление.

- Я не служу в сыскной службе императора Илдиза, - медленно проговорил он. - Мне нет дела до тех, чьи дома ты обчищаешь по ночам, Конан из Киммерии. Ты, я вижу, совсем не страшишься меня... и не хочешь казаться неучтивым, выгоняя меня под дождь. Поэтому я скажу тебе прямо - не связывайся с этой четверкой. Им все равно не избегнуть своей судьбы. Ну, а мои возможности ты теперь легко сможешь представить - несмотря на все их предосторожности, мне не составило труда отыскать тебя.

- И чего же ты хочешь? - по-прежнему спокойно спросил Конан.

- Я? Совершенно ничего не хочу. Просто завтра ты не идешь испрашивать отпуск, а остаешься в казарме...

"Значит, эта зеленая мартышка и впрямь не давала этому типу подслушать нашу беседу", - мелькнуло в голове у Конана.

Кивайдин тем временем поудобнее устроился возле печки. Уходить он явно не торопился.

- Скажи мне, киммериец, - начал он сладким голосом, - а все же, о чем у вас шла речь? Я не пожалею золота за эту услугу - потому что чем скорее я осуществлю задуманное, тем меньше невинных пострадает. Ведь эти четверо способны натворить все, что угодно - например, втянуть еще кого-то в свою безумную авантюру...

- Я не выдаю чужих тайн, - прежним, совершенно ровным и спокойным голосом ответил Конан. - Я дал слово и сдержу его.

- Ага, - Кивайдин положил подбородок на кулак, приняв весьма озабоченный вид. - Ну, я ожидал, что ты окажешься все же поумнее. Неужели ты не понимаешь, что у вас нет против меня никаких шансов?!

- Тогда зачем же ты ведешь со мной этот разговор? - парировал Конан. Только не говори, будто бы тебя так сильно заботит моя будущность.

Кивайдин вздохнул и поднялся.

- Жаль, очень жаль, Конан из Киммерии, - объявил он скорбным тоном. - Я полагал, что мы сможем договориться. Я мог бы предложить тебе службу у меня - начальником всех моих воинов, прояви ты благоразумие! Уж тогда бы ты золота точно не считал. Увы, увы! - он сокрушенно вздохнул. - Ладно, пусть будет по-твоему.

Кивайдин скрылся за дверью - а Конан, весь в поту, жадно припал к кувшину с вином. После такого разговора не грех было как следует выпить.

После этого он еще долго не мог заснуть. Могущество неведомого мага производило впечатление, однако все равно оставались вопросы - почему он не расправился с Конаном прямо на месте? Почему, если уж он такой всесильный, чародей не отправился в "Красный Сокол", где заночевали Скарфен и товарищи, тем более если фигурка Ханумана не смогла бы остановить его?

Однако для себя Конан уже все решил. Полновесное золото служило хорошим аргументом; что же до гнева чародеев... Их уже случалось убивать, как, например, злобного хозяина Башни Слона...

Едва рассвело, Конана поднял на ноги императорский гонец.

- Спешный приказ... - он сильно запыхался, - спешный приказ пресветлого повелителя капитану Конану... Спешный и тайный.

Конан с несколько двойственными чувствами принял тугой свиток. Увы, все было четко и правильно: стояла Большая Императорская Печать из красного сургуча, что означало особую важность; и витиеватая подпись Илдиза под выведенным придворным каллиграфом текстом...

Приказ был четок и ясен:

"Настоящим я, Илдиз, волею Богов император... - дальнейшее перечисление добрых трех десятков пышных титулов Конан пропустил, - ...повелеваю Конану, Капитану Вольного отряда сей же час по получении сего приказа отправиться на границу Царства Нашего с Вендией, и во всех деталях изучить военные приготовления, что ведутся там. Разрешаю Капитану Конану взять с собой четверых спутников по его, Капитана Конана, выбору. Настоящим приказом предписываю также всем моим подданным оказывать Капитану Конану всяческое содействие..." - конец приказа киммериец также пропустил.

Итак, Скольд сдержал свое слово.

- Передай Его солнцеподобному Величеству, - стараясь, чтобы в голосе не слышалось насмешки, сказал гонцу Конан, - что я счастлив получить это Его повеление, и буду еще более счастлив умереть, исполняя его.

Гонец кивнул, отвесил положенный этикетом поклон и умчался.

Все дальнейшее не заняло много времени. Хан Хрошак, командовавший Императорской Гвардией, куда входил и Вольный отряд, долго и с почтением глядел на грозный свиток, от избытка чувств даже причмокнул губами.

- Что ж, поздравляю, - заявил он напоследок. - Такое счастье выпадает далеко не каждому. Ты уже знаешь, кого возьмешь с собой, капитан? Я ведь должен дать им отпуска...

- Не тревожься, о высокородный хан, - с наивозможной вежливостью ответил Конан, внутренне скривившись от омерзения: Хрошак был смел и неглуп, однако обожал подобострастие. - Я наметил себе четырех моих старых товарищей еще по Аренджуну. В моем Вольном Отряде большинство - новички, а я не могу рисковать невыполнением Императорского Приказа...

Ровно в полдень, когда тень громадного трехгранного Временного Столба коснулась Зимней Полуденной Черты, Конан стоял возле Восточных Ворот, держа в поводу двух вьючных коней и одного верхового под седлом.

Скарфен и компания не заставили себя долго ждать. Кавалькада на рысях вырвалась из кривой и узкой боковой улочки, Фьюри на мгновение откинул капюшон, приветственно кивнув Конану. Киммериец вскочил в седло, и маленький отряд выехал из города. Прежде, чем они достигли Холма Отрубленных Голов места публичных казней, где дорога делала крутой поворот, Конан оглянулся. Не таясь, возле привратной башни стоял Кивайдин, небрежно опершись на длинный посох.

Конан схватил Скарфена за плечо.

- А как выглядит этот ваш чародей?

- У него множество обличий, - удивленно ответил ванир. - Никто не знает, какое из них истинное. А почему ты спрашиваешь?

- Да потому, что вчера ко мне в гости забрел некий старикашка, почему-то назвавшийся Кивайдином... - И Конан рассказал своим спутникам о случившемся.

Черное лицо Фьюри сделалось серым, Скарфен и Эйджес схватились за головы и лишь Скольд ничем не выдал своих чувств.

- Скачем дальше, как ни в чем не бывало, - бросил киммериец своим растерявшимся спутникам. - От судьбы не уйдешь, однако надо сделать все, чтобы насадить эту тварь на кол вместо нас!

- Как он мог нас выследить? - потрясенно прошептал Фьюри, ни к кому в отдельности не обращаясь.

- Он вернулся из-за Звездных Сфер... - мрачно проронил Скарфен, вернулся с новой силой - верно, ею одарили его боги...

- Но как бы то ни было, у нас нет иного выхода, как во весь опор скакать на восток, - промолвил Эйджес. - Других средств борьбы с Кивайдином мы не знаем, и уже нет времени, чтобы заниматься изысканиями...

- А почему этот ваш колдун не прикончил меня, вы можете мне ответить? резко вмешался Конан. - Или он решил позабавиться? Я знавал могучих чародеев, для которых подобные игры окончились весьма плачевно.

- Никто не знает ответа на этот вопрос, - глухо отозвался Скольд. Быть может, ты и прав. А, возможно, чародей обрел новые силы, но при этом на него наложили и какие-то новые ограничения - Боги редко делают бескорыстные и безвредные подарки. Все может быть...

- Ну, раз никто не может сказать ничего дельного, тогда вперед! подытожил Конан. - На восток, к храму Ханумана!

И они пришпорили лошадей.

Нет нужды описывать их дорогу через Туран. Жесткая длань Илдиза не давала палачам скучать без работы, зато дороги в его владениях были неплохи и постоялых дворов хватало даже в не слишком населенных местах - за разбой полагалась мучительная казнь на месте, и повешение считалось великой милостью. Отряд Конана скакал на восток вдоль южной

оконечности Моря Вилайет. Позади остались Шангара и Хоарезм, не так много оставалось и до памятной реки Запорожки. Из этих мест начинался Великий Торговый Путь - от границ Турана до самого Кхитая. Дорога была неблизкой, однако и не особенно опасной - купеческие караваны все время двигались от заката к восходу и обратно. На тракте можно было встретить кого угодно; здесь встречались выходцы из самых дальних народов.

Конан не находил себе места - чутье подсказывало ему, что за ними следят, однако, несмотря на все уловки, киммериец так и не сумел обнаружить соглядатая. Бросить тракт и пробираться дикими афгульскими горами, где высокие, достигающие поднебесья хребты перемежались протянувшимися с юга жадными языками сухих пустынь, он не хотел. Хотя отряд и не испытывал ни в чем нехватки, лезть очертя голову в совершенно неведомую страну представлялось неразумным.

Мало-помалу местность стала меняться. Исчезли последние поселения, над сторожевыми постами которых развевался стяг Турана; началось вендийское пограничье, десятки лиг дикой местности, где Гиндукушские Горы чередовались с причудливыми островками вечнозеленых лесов - в тех местах, где водяные жилы находили дорогу к поверхности или где сбегавший с вечных снегов поток орошал участок плодородной земли. Караваны старались миновать эти места как можно скорее - местность изобиловала разбойниками, беглецами как из Турана, так и из Вендии.

- По-моему, пришла пора сворачивать, - поделился своими сомнениями с остальными Конан. - Кивайдин - или кто-то из его прихвостней - висит у нас на плечах; его надо стряхнуть. Края здесь, конечно, дикие, зато довольно много воды, да и лес - укрытие надежное. Предлагаю уклониться к югу и сделать крюк через Айодию.

- А что это нам даст? - заметил Скольд. - Если даже Конан-киммериец не смог обнаружить шпиона - то, значит, дело тут не обошлось без колдовства. Соглядатай Кивайдина последует за нами и в Вендию, и в Кхитай, и даже за край Великого Восточного Океана, что тянется, говорят, до самого края нашей земли. Я думаю, что чем скорее мы окажемся на месте, тем лучше. - Несмотря на фигурку Ханумана, они не отваживались впрямую называть цель их похода. Кроме того, почему бы не попробовать устроить засаду прямо здесь, на тракте?

- Предоставь это дело мне, - в упор глянул на него Конан. - Шпиона следует убрать и, клянусь Кромом, я это сделаю! Но не на этой дороге, где каждому ослу ясно, где мы будем на следующий вечер, где нельзя свернуть в сторону! В Вендии мы заставим нашего преследователя держаться к нам поближе.

На это никто не смог ничего возразить.

От постоялого двора, больше смахивавшего на небольшую крепость, к закрывшему полнеба южному перевалу уходила неширокая тропа. Небо было черным-черно, звезды еще и не думали угасать, когда пятеро путников, ведя в поводу коней, осторожно выбрались за ворота. Выбрались - и словно растворились в ночи.

Утро застало их в величественной роще исполинских горных кипарисов. Узкая тропа серпантином поднималась по крутому склону; никто не смог бы подняться по ней незамеченным.

Они отвели коней в лесок, а сами устроились в засаде на краю рощи. Началось долгое, томительное ожидание.

Они просидели в засаде весь день. И лишь когда землю вновь объяли вечерние тени, внизу, подле самой подошвы горы, Конан заметил какое-то движение.

Приближался невысокий старый человечек, тяжело опирающийся на длинный белый посох. У Конана от удивления глаза полезли на лоб. Чтобы их преследовал сам Кивайдин?..

Всю четверку спутников киммерийца трясла крупная дрожь.

- Вся надежда - на Ханумана... - еле-еле выдавил из себя Скарфен, кое-как пытаясь наложить стрелу в тетиву.

- Да, против Кивайдина обычное оружие бессильно, - вторил ему Фьюри.

- Ну, это мы еще посмотрим, - проворчал киммериец.

Старик приближался. Видно было, что подъем дается ему не слишком легко - он частенько останавливался, и даже пару раз присел отдохнуть. Конан взял из неверных рук Скарфена лук со стрелами.

- Когда имеешь дело с магами, кодекс чести оставляй дома, назидательно произнес он, вскидывая оружие и щуря левый глаз.

Долгие часы упражнений на стрельбище не прошли даром. Сделав небольшую поправку на ветер, Конан мягко отпустил тетиву; стрела мелькнула в воздухе, вонзившись точно в левую половину груди старика - там, где должно было быть сердце.

Фигура с посохом замерла, пошатнулась - и беззвучно повалилась на камни. Конан оглядел своих спутников торжествующим взором, однако на их лицах не было видно радости.

- Ловушка, - заявил Фьюри.

- Мираж, - согласился Скарфен.

- Ждет, когда мы подойдем, - подхватил Скольд.

- Подойти все равно надо - но давайте возьмем с собой Ханумана, закончил Эйджес.

- Слушайте, оставайтесь здесь, - Конан выпрямился во весь рост. - Я стрелял сам. И это мое дело выяснить, жив враг или уже нет.

Слуги чародея согласились с ним до неприличия поспешно.

Старик лежал на спине, задрав вверх седую растрепанную бороденку. Стрела вошла точно в сердце; серая дерюга задубела вокруг раны от засохшей крови. Остекленевшие глаза были широко открыты; одним словом, старик был мертв, как колода.

Конан деловито обшарил тело. Ничего, что может вызвать интерес. Сумка с немудреной дорожной едой - и больше ничего.

- Осторожно, Конан! - крикнул из-за кустов Скарфен, поднимая высоко в воздух статуэтку Ханумана. - Кивайдин хитер, он может только притворяться!

- Так хорошо притворяться может только труп, - проворчал киммериец.

Он оставил тело мертвого соглядатая лежать на камнях и зашагал обратно к роще. Из-за спины у него внезапно донесся тонкий издевательский смех; Конан молниеносно оглянулся, уже готовый к бою, с мечом в руках - однако труп старика по-прежнему лежал в той же позе; склон был пуст и гол. Ни души.

Не зная, что и думать, киммериец медленно вернулся к поджидавшим его спутникам. Смеха больше не было слышно; серая хламида убитого смутно виднелась на затянутом вечерними тенями склоне.

- Думаю, двигаться дальше уже не стоит, - киммериец указал на быстро темнеющий небосклон. - Утром пойдем дальше...

Однако выспаться этой ночью им было не суждено.

Глава 4.

Киммериец едва успел задремать, как внезапный порыв ветра донес отдаленный рокот множества больших барабанов. Проклиная все ударные инструменты на свете и ослов, что вздумали устраивать подобный концерт в такое время, Конан и Скарфен осторожно выглянули из-под прикрытия спасительных зарослей.

С юга, по широкой каменистой равнине к ним двигалось множество огненных точек.

- Народа сотни две... с факелами, - на глаз определил Конан. - Какого рожна им тут понадобилось?!

Скарфен мог лишь пожать плечами.

Огромные барабаны били все громче и громче. Мало-помалу к ним присоединились трубы, бубны и арфы. Над горами разносилась мрачная и торжественная мелодия, больше всего смахивавшая на похоронный марш.

- Вряд ли эти типы явились сюда с целым оркестром охотиться за нами, заметил Конан.

- Тогда что они тут делают? - резонно возразил Скарфен.

Прежде, чем киммериец успел ответить, укладывавший фигурку Ханумана Эйджес внезапно подскочил и завопил так, словно оказался на раскаленной сковородке.

- Ханума-а-ан!!! - Волосы у кхитайца встали дыбом, с искаженным лицом он тыкал пальцем в статуэтку - и было отчего. Вырезанный из светящегося изумруда божок неожиданно приоткрыл красноватые глаза...

Нельзя сказать, чтобы Конан особенно удивился этому - ему уже случалось видеть, как оживают зачарованные статуи, поэтому он скорее напрягся, готовясь к отпору, потому что подобные вещи, как правило, предвещали большую резню и тому подобные неприятности.

И тут возвышенно-строгий строй погребальной мелодии внезапно сломался. "Он здесь! Он здесь!" - донеслись многочисленные возгласы.

Факельщики из процессии умело, ловко и быстро развернулись в цепь, словно загонщики на облаве. Алые точки огней медленно двинулись вверх по склону, как будто люди пытались изловить кого-то.

- Хотел бы я знать, кого это они тут ловят, - сквозь зубы процедил киммериец.

В эти минуты он совсем забыл про ожившую статую Ханумана. Важнее казалось понять, куда отправятся эти факельщики, сколько их здесь точно, и, вообще, зачем они потащились на ночь глядя в эти негостеприимные предгорья?

Четверо же спутников Конана, не отрываясь, как завороженные глазели на изумрудную фигурку. Глазки Ханумана горели двумя раскаленными бусинами, обезьянья голова медленно начала поворачиваться...

Длинная цепь тем временем поднималась все выше и выше по склону холма. Не умолкая, грохотали барабаны - теперь их ритм вновь изменился, сделавшись странно-завораживающим, затягивающим, хотелось забыть обо всем и слушать, слушать без конца эту мрачную и прекрасную музыку, так напоминавшую неистовые биения громадного сердца. Невидимый хор продолжал тянуть бесконечные песнопения.

Однако эти типы с факелами вот-вот доберутся до кромки леса! Нужно либо уносить отсюда ноги (что куда разумнее), либо вступать в переговоры с вожаками шествия.

Любой на его месте счел бы внезапный шорох возней какого-нибудь мелкого зверька и

не стал бы обращать внимания, любой - но только не Конан. Это могла оказаться и подосланная чародеем крыса-вампир с ядовитыми зубами...

Меч свистнул разящим незримым полукружьем; скошенные стебли травы упали наземь, однако существо, в которое целился Конан, сумело увернуться. Мимо Конана прошмыгнуло нечто, в темноте похожее на большого суслика; прошмыгнуло и метнулось туда, где четыре коленопреклоненные фигуры застыли подле изумрудного Ханумана.

- Проклятье! - Конан ринулся в погоню. Чутье предупреждало об опасности, а этому чувству киммериец привык доверять.

- Он здесь, он здесь, он уже не уйдет! - эхом откликнулся многоголосый хор из-за спины факельщиков.

Существо, преследуемое Конаном, передвигалось большими прыжками. Один, другой, третий - и оно очутилось подле изумрудной светящейся статуэтки. Четверо спутников Конана, как по команде, вскочили на ноги; но к удивлению киммерийца, они даже не взялись за оружие. Непонятный зверек тем временем присел на задние лапки и, смешно отведя в сторону правую переднюю, произнес писклявым голосом на чистом туранском языке:

- О достойные почитатели Великого Ханумана!.. Оторопели все, включая Конана. Киммериец так и замер с поднятым мечом в руке. Чтобы суслики говорили по-человечьи?..

Однако похоже было, что слова странного создания слышали не только Конан и его спутники. Со склона вновь донесся хор торжествующих голосов: "Он здесь! Он здесь! Мы слышали!" Барабаны загремели так, что заложило уши. Остававшиеся невидимыми за спинами факельщиков хористы затянули новый гимн, точнее, не затянули, а грянули с таким воодушевлением, словно выступали на певческом состязании у самого императора...

Тело зверька судорожно дернулось. Его словно потащила прочь незримая, но крепкая рука, и все, что он успел, это истошно заверещать:

- Помогите, ради Ханумана!

Скарфен решился первым. Шагнув вперед, он схватил "суслика" поперек спины - и едва не полетел ничком на землю. Сграбаставшая существо невидимая рука обладала исполинской силой.

- Он просил нас именем Ханумана!.. - выкрикнул Скарфен, обращаясь к своим спутникам. Это подействовало. Сперва Эйджес, а за ним - и Скольд со Фьюри. Однако даже их соединенных усилий не хватило, чтобы одолеть невидимого противника. Брыкающуюся, визжащую, сопящую, упирающуюся группу вцепившихся друг в друга людей неуклонно тащило навстречу шествию к зарослям, за которыми начинался оголенный склон.

Конан ринулся на помощь. Он, конечно, был зол как сто тысяч голодных демонов - какого рожна эти недоумки вообще встряли в это дело?! - но, если их сейчас вытащат на всеобщее обозрение... Связываться с многочисленным отрядом Конану не хотелось, тем более, что он чувствовал - и у факельщиков, и у хористов, и у барабанщиков имеются милые пустячки вроде луков, арбалетов, мечей и тому подобного.

Недолго думая, Конан сплеча рубанул по воздуху - там, где, по идее, должен был находиться тот незримый канат, что тянул всех его спутников, дружно вцепившихся друг в друга. Скарфен при этом не выпускал из рук несчастного "суслика", которому грозила сейчас печальная участь оказаться разорванным пополам.

Меч киммерийца со всего маха вонзился глубоко в землю, не встретив никакого сопротивления, однако удар не пропал даром - четверо слуг чародея кубарем покатились по земле. Тянувший их прочь незримый линь беззвучно лопнул.

На темном склоне тоже что-то произошло - ритм торжественного пения сломался, раздались нестройные вопли и неразборчивые проклятия...

Кряхтя и отряхиваясь, спутники Конана поднялись на ноги.

- Надо убираться отсюда, и как можно скорее! - шепотом скомандовал киммериец. Его правоту подтвердила яркая вспышка над самыми их головами вспышка, а затем дождь жгучих искр. Знакомая штука. Конан сталкивался с такими, служа в туранской армии. К обычной стреле прикреплялась бамбуковая трубка с секретным "огненным порошком", поджигался выведенный наружу фитиль - и стрела выпускалась. Деревянные стены от таких стрел вспыхивали очень быстро... Здесь, однако, фитиль был нарочно укорочен до предела чтобы смертоносная игрушка разорвалась в воздухе, над головами возможного противника. Киммериец оценил ловкость и смелость стрелка - а ну как все это дело рвануло бы прямо на тетиве?.. Остался бы без головы, самое меньшее.

За первой огненной стрелой последовала вторая, третья, четвертая... Занимаясь пламенем, затрещали ветви кипарисов, огонь стремительной змеей скользнул по корням... перепуганные лошади рвались с привязей.

- Быстрее! Прячьте Ханумана и вперед! - проревел киммериец, взлетая в седло.

Не разбирая дороги, они помчались прочь. Крики за их спинами не утихали, более того - взлетело несколько сигнальных стрел, рассыпавшихся в темном небе яркими зонтами разноцветных искр. Вскоре и спереди донеслось тревожное рокотание больших барабанов - судя по всему, гора была окружена со всех сторон.

Конан осадил коня. Они очутились в самом сердце горного леса; здесь пока было безопасно. Следовало хоть чуть-чуть подумать, прежде чем очертя голову метаться из стороны в сторону.

- Скарфен! Кого это мы нашли?!

Ванир осторожно опустил на землю несколько помятого, во всей этой кутерьме "суслика". Скольд достал из седельной сумы изумрудную статуэтку, и оживший Хануман тотчас же отыскал зловещим алым взором их неожиданного гостя. Правая лапа обезьянобога задрожала, точно силясь вырваться из камня и сделать какой-то жест. Четверо спутников Конана взирали на все это с благоговейным ужасом, киммериец же - лишь с досадой. Он не слишком-то жаловал всякие там чудеса вроде подобных фокусов с оживающими камнями.

- Благодарю вас, о благочестивые странники, истинно верующие в Великого Ханумана! - велеречиво начало существо в сусличьей шкуре, поднимаясь на задние лапы и делая передними элегантные жесты, словно ритор на университетской кафедре. - Возношу вам сладостные содрогания сердца моего ("Это как?" - не понял любивший точные выражения Конан), возблагодаряю за мое спасение...

- Слушай, давай короче! - не выдержал киммериец. Ожившие статуи, говорящие суслики... Нет, положительно все это не к добру! - Кто ты такой, кто тебя ловит, и что это за свора у нас на хвосте?! Говори, да поживее нам еще прорываться.

- О да, да, благородный воин, - суслик мелко закивал головой. - Да не зародится в тебе отравный червь сомнения. Я все расскажу...

Рокот барабанов раздался уже совсем близко - очевидно, преследователи взобрались по склону и сейчас прочесывали лес. Изумрудный Хануман медленно повернул голову; исходивший из его каменных глаз красноватый свет залил "суслика", тот встряхнулся и дальше говорил уже уверенно, без постоянной дрожи.

"... Испокон веку в здешних горах жил многочисленный и тороватый народ. Находясь на

великом торговом тракте, они жили между Тураном и Вендией, умудрившись отстоять свою независимость. Само собой разумеется, что они нуждались в постоянном заступничестве Богов, - иначе как добиться, чтобы у Секандерамского сатрапа перед самым походом расстроился бы желудок, сбежала с доверенным рабом любимая наложница и украли лучшую борзую из знаменитой своры? Ясное дело, в поход он выступал крайне расстроенным, ему было совершенно наплевать на каких-то там непокорных горцев (ими заняться никогда не поздно, а вот наложница удалялась все дальше и дальше с каждым часом). Сатрап повернул назад после первых же свистнувших в горных ущельях стрел после чего и занялся своими делами. Главное, что можно было отправить должный рапорт в Аграпур...

- ...И поставлен был высшими силами, Богами земными и небесными стеречь сей народ, - продолжал "суслик". - Долгие века длится моя служба и одному светлому Хануману ведомо, когда она кончится. Признаюсь, порой приходилось потрудиться - вроде как в том случае, что я описал вам выше. Это ведь не то, что у колдунов или черных магов Стигии - дунул, плюнул, ногой топнул и все готово. У нас, Богов, все куда сложнее..."

- Так, а что же тогда творится здесь? - Конан выразительным жестом обвел окрестности.

- Не торопись, о благочестивый воин, истина не может быть высказана в спешке, хотя я не хуже тебя понимаю, что погоня скоро вцепится в нас.

Рассказ божка-хранителя был прерван самым неподобающим образом. На поляну из сплетения окаймлявших ее зарослей вывалились двое низкорослых, длиннобородых мужчин с дымно горящими факелами. Увидав странную компанию со стоявшими перед ней на задних лапах сусликом и статуей Ханумана, они проявили завидную сообразительность. Сбоку у каждого висело по длинной кривой сабле, однако ни один и не подумал хвататься за оружие. Вместо этого они дружно бросились наутек, вопя и завывая на весь лес:

- Слуги Ханумана украли Тершу! Терша в лапах окаянного Ханумана! Хануман! Хануман-истребитель! Конец! Конец всему! Тревога! Тревога! Караул! Хануман схватил Тершу!.. - и так далее в разнообразных сочетаниях. Они улепетывали с такой быстротой, что даже Конан, гордившийся своей отменной реакцией, на сей раз не успел бы ничего сделать.

Не медля ни секунды, пятеро спутников вскочили в седла. "Суслик" Терша сам вскочил на грудь к Скарфену и, пронзительно вереща, вцепился в него всеми четырьмя лапками. Шпоры впились в бока коней; отряд полетел в темноту. Надо было идти на прорыв.

Счастье еще, что в кипарисовом лесу почти не оказалось подлеска - иначе кони точно переломали бы ноги. Несколько раз отряд Конана натыкался на факельщиков - однако всякий раз скорость и темнота помогали избегнуть схватки.

Конан понимал, что искать счастья на горных тропах бесполезно - лучше попытаться вырваться в долину. К утру они уже будут далеко; и потому, когда склон стал понижаться, он, не раздумывая, повернул скакуна под уклон.

Еще несколько мгновений безумной скачки по ночному лесу - и всадники, пробив колючую стену кустов, очутились на полого уходящем вниз каменистом склоне. Рокот барабанов и мерцание факелов остались позади; открывалась дорога к спасению.

Преследователи заметили их, когда кавалькада уже почти достигла дна долины. И Конан невольно поразился той слаженности, с которой сотни и сотни глоток завопили:

- Они украли нашего бога!

В этом многоголосом крике слышалась такая ненависть, что не отступавшему ни перед

какими чудовищами киммерийцу стало не по себе. Эти будут преследовать не ради золота. Фанатики, жертвующие собой ради черт знает чего, всегда оставались самыми опасными врагами.

Нахлестывая коней, отряд скакал и скакал вперед по неширокой, залитой тьмой долине. Счастье еще, что по ней шла достаточно приличная для подобных мест дорога.

Они остановились лишь через несколько часов, когда их кони окончательно выбились из сил. Долина расширилась; по сторонам угрюмыми стенами мрака вздымались горные громады. Ночную тишь нарушало лишь журчание ручейка да неумолчный стрекот горных цикад.

- Пусть лошади остынут, - Конан спрыгнул с седла. - У нас есть время, так что послушаем-ка этого Тершу - или как его там.

Божка не пришлось просить дважды.

Обычным высокопарным стилем, пересыпая речь благодарностями им за спасение и славословиями в адрес великого Ханумана, Терша рассказал, что за долгие годы, пока он хранил своих подопечных, те, чувствуя на себе явное и благосклонное внимание богов, прямо-таки из кожи вон лезли, дабы сохранить эту благорасположенность. Была разработана сложнейшая система обрядов, празднеств и заклинаний. Чтецу во храме, допустившему малейший сбой во время благодарственного молебствования, немедленно отрубали голову...

Так повелел Великий Хануман, которому в незапамятные времена служил и сам Терша. Но главным было даже не это - хотя Терша, по его словам, и страдал, становясь невольным свидетелем многочисленных казней, тем более что ему самому точность исполнения гимнов была абсолютно безразлична.

Но вскоре оказалось, что многие из этих ритуальных песнопений, увы, имеют над Тершей вполне очевидную власть. Один из них благочестивые господа даже смогли услышать - тот самый, под звуки которого незримая рука потащила божка прочь...

Так помимо собственной воли Терша оказался принужденным участвовать во всевозможнейших церемониях охраняемого им народа.

- Однако когда же тогда мог я делать свою работу? - с отчаянием возопил Терша, воздевая очи горе. - Я не мог выбраться из Храма ни днем, ни ночью. А вдобавок Великий Хануман отчего-то устроил так, что горожане Цхесты - это охраняемый мной город - совершенно уверены в том, что знают, как им надлежит со мной обращаться, и не обращают на мои слова и увещевания никакого внимания! А я ведь не могу отказаться от службы, будучи поставлен на нее самим Великим Хануманом...

- Однако и это можно было бы стерпеть, - от полноты чувств Терша всплеснул лапками. - В конце концов, не так уж сложно проделывать в собственном храме всякие там чудеса, заставляя статуи говорить жуткими, замогильными голосами, вызывать призраков и заниматься тому подобной чепухой. Однако от меня потребовали большего, куда как большего! Они захотели, дабы я... я... - он замялся, словно в смущении; наверное, он даже покраснел бы, если бы мог. - Дабы я имел омерзительные плотские сношения с выбираемой ежегодно ими девушкой - так де, мол, открыл их верховному жрецу в откровении сам Великий Хануман. Я пробовал воззвать к своему повелителю напрасно; кознями иных небожителей он был принужден уйти в изгнание и поселиться, я слышал, в уединенном лесном храме на рубеже Кхитая и Вендии. Мне приходилось подчиняться, испытывая при этом ужасающие телесные и душевные муки - мало того, что соитие отвратительно мне само по себе, так я еще и должен был удовлетворять экзотические прихоти этих свихнутых девиц в

образе могучего, непобедимого воина, в доспехах, со священными Мечом Гнева и Жезлом Плодородия в руках, в блистании бесчисленных светочей, в душном дыму курильниц... Я люблю леса, чистые, открытые пространства, я задыхаюсь в четырех стенах храма... И вот настал день, когда я не выдержал. Силы мои оказались на пределе. Надо пригнать побольше снеговых туч на перевалы запасти воды для посевной, а заодно и перекрыть дорогу кое-кому из не в меру ретивых кшатриев; это очень трудно, нужны все силы - а тут эти жрецы подсовывают мне свою Божью Невесту...

- И тогда ты дал деру, - Конан уже вполне освоился, несмотря на всю необычность случая. Помогало и то, что Терша отбросил, наконец, свой заковыристый и обильно уснащенный торжественными оборотами язык, заговорив по-простому.

- И тогда я дал деру, - сокрушенно признался Терша. - Я сбежал из храма, однако куда я мог уйти? Я надеялся только переждать тут, в лесах, несколько дней, пока не минет ихнее "благоприятное расположение светил" и они отложат этот мерзейший обряд до следующего года...

- Но, я смотрю, твои подопечные обнаруживают недюжинную сноровку, заметил Конан.

Терша со вздохом опустил пушистую мордочку.

- Истинно так, благочестивый воин; я уже дважды убегал, когда становилось совсем уж невмоготу. Первый раз меня поймали у городских ворот; второй раз уже в предместьях. Так что я тоже стал хитрее - и вот смог добраться аж до этих, неблизких, мест!

- Понятно, - нарушив краткое молчание, сказал Конан. - Ну, что же, Терша, туго тебе живется. И хотелось бы помочь тебе - ни разу в жизни еще не помогал Богам! - но мы спешим. Мы держим путь в тот самый храм Ханумана, о котором ты поминал. Быть может, ты сумеешь подробно описать дорогу туда?

- О, сумею, конечно же, сумею! - непритворно обрадовался Терша. - Я всегда рад помочь благочестивым паломникам, идущим на поклонение моему небесному повелителю, чью священную статую вы везете с собой. Слушайте же меня внимательнее и запоминайте!

И божок, с важным видом устроившись поудобнее подле разведенного огня, пустился в пространные описания...

Терша и впрямь знал дорогу. Он рассказывал о ней с такими мельчайшими подробностями, что по его словам можно было бы составить подробную карту чем незамедлительно и занялся Скарфен.

Время шло. Терша не добрался еще и до середины Вендийского пограничья, как Конан внезапно остановил его, прижавшись ухом к земле.

- Они оказались куда быстрее, чем я думал, - угрюмо бросил он, выпрямившись. - Надо уносить ноги!.. А ты, что же, не почувствовал их? последний, презрительный вопрос обращен был к сжавшемуся в комок Терше.

- Нет... Я увлекся... - пробормотал несчастный божок.

Эйджес решительно поднялся.

- Послушайте, - вдруг жалобно проскулил Терша, - а, может, вы возьмете меня с собой!?

- Ну, пока-то непременно возьмем, - усмехнулся Конан. - Ты покажешь, как выбраться из этого ущелья, а вдобавок - быть может, ты видел, как я подстрелил одного старикашку - на границе тех кустов, где мы с тобой встретились?

- Старикашка? - Терша внезапно хихикнул. - Так ведь это был я! Я просто прочел это в ваших помыслах... и мне захотелось как-то привлечь ваше внимание. Это было совсем нетрудно.

- Ты сотворил призрак? - ошеломленно проговорил Скольд. - Призрак... а ты знаешь, чей это был призрак?!.

- Разумеется! Колдуна, которого вы все боитесь.

- А не можешь ли ты... - разом вскричали все четверо спутников Конана, однако Терша лишь забавно покачал мохнатой головой.

- Защитить вас от него я не смогу. Один лишь Великий Хануман... Его священное изображение обладает большими силами, но и оно, увы, не всемогуще. По крайней мере, он вроде бы не должен слышать наших разговоров...

- Что-то в это мне не шибко верится, - проворчал Конан. - Ну, по седлам!

- Погодите, ну возьмите же меня, я вам пригожусь! - горячо взмолился Терша. - Взгляните на священное изображение нашего Великого Бога - он подскажет правильный ответ!

Ожившая статуя Ханумана и в самом деле медленно кивала.

- Ладно, давай с нами, - махнул рукой киммериец. - Там видно будет, глядишь, и впрямь где сгодишься...

- Благодарю, о, благодарю, благочестивые паломники! - восторженно взвизгнул божок. - Сам я не мог покинуть место своей службы, но, поскольку вы как бы похищаете меня, то запрет снимается...

- А что же, ты раньше не мог никого найти, кто помог бы тебе убраться отсюда? - полюбопытствовал Конан, уже посылая коня вперед.

- Не мог, - сокрушенно вздохнул Терша, поудобнее устраиваясь за пазухой у Скарфена. - Цхеста стоит в стороне от Великого тракта - ради безопасности, и чужеземцев там очень мало, вдобавок за каждым из них постоянно следят, пока он в городе. Нет, там у меня не было ни одной возможности - вдобавок я не хотел причинять зло тем, кого был поставлен охранять и оберегать. А еще как бы смог я добраться до Храма? Ноги коротки, а летать я не умею...

И вновь длилась ночная скачка. Летели назад темные, словно сотканные из мрака склоны; долина становилась все шире и шире, киммериец даже угадывал по сторонам смутные очертания каких-то строений.

- Мы приближаемся к Цхесте, - крикнул Скарфен спутникам. - Терша предлагает взять сейчас правее...

Однако выполнить этот, без сомнения, мудрый и своевременный совет они уже не успели.

Конь Скольда едва-едва свернул на обочину, как мрак прямо перед ними разорвали десятки и сотни ярких огней. Шипя, разбрызгивая искры, яростным пламенем зажглось множество огненных шаров. Дорога оказалась со всех сторон окружена народом - воины и горожане, все вперемешку; Конану бросился в глаза странный, кроваво-красный цвет их плащей.

Киммериец с проклятием выхватил меч. Придется прорубать себе дорогу если только этот самый Терша - что-нибудь не сделает.

- Они украли нашего Бога! - неслось со всех сторон.

Лошади, храпя и фыркая, внезапно уперлись, отказываясь идти дальше. Над плечом Конана свистнула первая стрела.

- Вперед! Да иди же! - шпоры киммерийца впились в бока жеребца, тот дернулся от боли, однако не подчинился.

Скольд поднял свою храпящую лошадь на дыбы, вновь возвращая ее на дорогу. Кобыла тотчас сбросила непонятное оцепенение, и ринулась вперед, точно на призовых скачках.

"Кивайдин, не иначе, - мелькнула у Конана мрачная мысль. - Наверняка надоумил горожан... и околдовал лошадей... похоже, нам осталась одна дорога - вперед, по дороге, к городу... Спрыгнуть? - нет, тотчас поднимут на копья, или, того проще, засыплют стрелами..."

Как ни странно, дорога пока оставалась не перерезанной. Ясно было, что она прямиком ведет в ловушку, но... иного выхода Конан пока не видел. К тому же у обитателей этой Цхесты имелось куда больше шансов на успех, атакуй они немедленно - темнота, неожиданность, все было на их стороне; теперь они по крайней мере утратили преимущество внезапности.

В горной долине стало светло, как днем. По обе стороны дороги высились шесты с пылавшими на их вершинах огненными шарами; обочины щетинились частоколами пик, свет дробился и играл на тысячах наконечников стрел; не смолкая, вслед бешено несущемуся навстречу Судьбе отряду неслось:

- Они украли нашего Бога!

- Терша! - рявкнул киммериец, направляя коня ближе к Скарфену. - Ты можешь что-либо сделать?!

- В Цхесту пришел ваш колдун! - с отчаянием выкрикнул божок. - Он перенесся сюда на крыльях бури... он выследил вас, следя за мной!

- Пр-роклятье! - вырвалось у Скольда. - Надо прорываться, сожри мою душу Локи!

- Нет! Нет! - взвизгнул Терша. - Нужно прорваться в Храм! Если свернете сейчас - верная смерть! А мне - вечный плен! И женщины! Женщины! - Он почти рыдал.

Кавалькада, не замедляя бега, обогнула скалистый холм - и с разгону вылетела к воротам Цхесты.

Нельзя сказать, чтобы укрепления города произвели на Конана особое впечатление. Он повидал немало куда более величественных крепостей; а эта... Две привратные башни; створки самих ворот - деревянные и даже не обиты металлом. Рва нет и в помине; стены, хоть и каменные, но невысоки...

Отряд влетел под арку; за ними густо валила вооруженная толпа.

- Они украли нашего Бога!

- Прямо по главной улице, никуда не сворачивая! - прокричал Терша, высовываясь из-за пазухи Скарфена.

Времени рассматривать бешено несущиеся назад ряды домов у Конана не было. Мелькали глинобитные стены, черные провалы мрачных дворов и проулков... И по-прежнему на всем протяжении их пути засевшие на каждой крыше лучники провожали отряд десятками и сотнями нацеленных стрел, следивших за Конаном и его спутниками, точно подсолнухи за солнцем...

Главная площадь - она же рыночная, правосудия и тому подобного. В дальнем ее конце, соседствуя с отвесным склоном горы, стоял храм, царственно высившийся над всеми прочими строениями города.

Это было высокое пирамидальное здание, опоясанное несколькими уровнями террас, где среди зелени смутно виднелись ряды белеющих изваяний. Оков киммериец не заметил, одни лишь широченные входные двери, сейчас распахнутые настежь. Их как будто бы никто не охранял.

- Туда! - выкрикнул Терша, едва не свалившись под копыта бешено мчащихся лошадей.

Кавалькада влетела в гулкий, высокий зал, залитый темнотой. Копыта зацокали по

каменному отполированному полу; Конан первым соскочил с седла и кинулся закрывать тяжелые створки дверей. В отличие от городских ворот, эти были сделаны из настоящей стали.

Тяжелый засов, едва поддавшийся совместным усилиям Конана, Скарфена и Скольда, вошел в гнезда как раз в тот миг, как толпа преследователей добралась до храма.

Кое-как устроив лошадей, спутники развели огонь. Их взорам предстало обширное и мрачное помещение, уставленное изукрашенными курильницами. Потолок поддерживали ряды витых толстенных колонн из редкого, черного мрамора. В нишах застыли тяжеловесные, массивные статуи непроглядно-темного камня - странные, уродливые чудовища, изображавшие какие-то гротескные помеси людей и обезьян. Ряд страшилищ завершался занимавшим всю противоположную от входа стену громадным барельефом, изображавшим Великого Ханумана во всем великолепии торжественного облачения. А под барельефом примостился скромный, бедно выглядевший алтарь из простого, необработанного гранита. По обе его стороны застыли золоченые курильницы в виде разинувших пасти змей, когда-то побежденных Великим Хануманом и с тех пор ставших его самыми верными слугами...

Во всем храме Конан не увидел ни единого окна или хотя бы двери. Глухие стены - и ничего больше. Если только, конечно, здесь нет потайных ходов.

Очевидно, та же мысль пришла в голову и Эйджесу, тотчас же спросившему об этом взобравшегося на алтарный камень Тершу.

- Ни о чем подобном я никогда не слыхал, - божок смешно покачал сусличьей головой. - И жрецы, и миряне всегда входили и уходили только через главный вход...

- Ну, так и что будем делать дальше? - с неожиданной резкостью бросил Фьюри. - Мы заперты здесь, как крысы в крысоловке! У нас мало припасов. Да дней через семь нам придется пить собственную мочу и варить ремни с сапогами!

- Погоди впадать в отчаяние, благочестивый воин, - Терша тронул лапой ладонь Фьюри. - Я недаром оставался хозяином этого хлама много веков. Ночь пройдет, утро присоветует. Двери храма сломать вовсе не так просто; на какое-то время мы в безопасности...

- А что ты нес насчет того, что в Цхесте объявился наш враг? - в упор спросил Эйджес.

- Я почувствовал чужую силу в Цхесте, едва мы оказались возле ворот, ответил Терша. - Достаточно было сопоставить природу этой силы с теми страхами, что я прочел в ваших душах - и мне все стало ясно.

- А что значит - "он выследил вас через меня"? - продолжал допрос Эйджес.

- С вами - священная статуя нашего покровителя, могучего Ханумана, охотно пустился в объяснения божок. - Она защищает вас от ока вашего врага, однако, когда вы встретили меня, колдун смог посмотреть моими глазами - и увидел вас.

- То есть пока мы от тебя не избавимся, он сможет следить за каждым нашим движением? - грозно приподнялся Скольд.

- Н-ну... в общем... - промямлил Терша, съеживаясь. - Но с этим я могу справиться.

- Как же это? - не без яда осведомился Конан.

- Ваш враг вернулся из дальнего путешествия к самым заветным пределам, - серьезно, без тени иронии ответил Терша. - Он обрел от Нездешних Богов новые силы - однако и этому можно противостоять. Я отведу ему глаза. Я создам ваши точные подобия, которые и отвлекут его на себя. А уж как сделать так, чтобы он подольше поломал над этим голову - это уж моя забота.

- Хорошо бы, коль так, - проворчал Конан, невольно прислушиваясь к негодующим воплям на площади перед храмом. - А теперь поведай мне, о Терша, что могут сделать с нами те молодцы, что толпятся сейчас на площади?

- Если ворвутся внутрь... - начал было божок.

- То оторвут нам голову, - докончил за него киммериец. - Это понятно и так. Что они могут сделать, чтобы ворваться внутрь? Ты ручаешься за эти двери? Терша на некоторое время задумался. Вид он при этом имел, конечно, презабавнейший - размышляющий суслик, глазки которого вдруг обрели выразительность человеческих глаз.

- За двери - да, ручаюсь, - изрек он напоследок. - Но если за дело примется сам этот ваш Кивайдин...

Воцарилось тяжелое молчание. Четверо спутников Конана мрачно глядели в пол, сам же киммериец озирался по сторонам, точно пойманный в западню волк. В самом деле, разве могла какая-то там дверь устоять против могучего чародея? Вдобавок Конан сильно сомневался в том, что Терше удастся продержаться против Кивайдина хотя бы минуту. Он не мог рассчитывать ни на что, кроме собственного меча.

Конан искоса взглянул на спутников. Похоже, они уже опустили руки и теперь думают лишь о том, как успеть покончить с собой до того, как попадешь в руки Кивайдина. Ну нет, так дело не пойдет!

- А ну-ка, вставайте, вы! - загремел киммериец, словно вновь очутившись на аграпурском плацу. - Скольд, Скарфен - берите во-он ту каменную бабу с крыльями и тащите наверх! Пристройте ее над дверьми. Фьюри, Эйджес - надо соорудить баррикаду - вот здесь, если они сломают створки...

В голосе киммерийца звенел металл; и четверо незадачливых слуг чародея уже поднялись, завороженные звучавшей в этом голосе силой, когда вмешался Терша.

- Постой, погоди, зачем ты хочешь двигать священные изваяния? ужаснулся он. - Победы надо одерживать головой, а не тупыми мышцами!

- Да, если только ее тебе не снесут с плеч раньше! - язвительно бросил Конан. - А твои изваяния, право же, немного стоят, если в минуту опасности от них никакого толку - даже на голову никому не сбросишь!

- Ты хороший боец, киммериец, - покачал головой Терша, - но даже ты не в силах сражаться один против целого войска. Одна случайная стрела... Нет, мы поступим иначе. Отойдите к стенам, благочестивые воины; мне надо предаться магии...

Магия Терши оказалась сильной и впечатляющей. Маленький божок подбежал к одной из статуй, критически оглядел изваяние с ног до головы - а потом его лапки замелькали с поразительной быстротой. Свет затейливых масляных ламп померк, зал храма быстро наполнился удушливым серым дымом, в котором, точно два пятна мрака, виднелись Терша и статуя напротив него.

По спине Конана пробежал неприятный холодок. Варвар недолюбливал всяческое чародейство - однако на сей раз ему пришлось признать (потом, когда все завершилось), что Терша здорово знает свое дело.

Клубы дыма стали подползать к уродливой фигуре перед божком, с мокрым хлюпаньем всасываясь внутрь изваяния. Контуры статуи утратили резкость, размылись - а Терша все размахивал и размахивал короткими передними лапками, и Конану пришло на ум, что похожие движения ему случалось замечать у гончаров...

Статуя тем временем и в самом деле начала менять очертания. Сгорбленная спина

выпрямилась, втянулся отвислый живот, укоротились чудовищно длинные руки, обезьянья челюсть вдвинулась, очертания головы все больше и больше напоминали человеческие... Терша трудился, словно опытный скульптор.

Наконец он удовлетворенно склонил голову набок, несколько мгновений пристально вглядывался в свое творение - а затем со вздохом перешел к следующей скульптуре... И так еще три раза.

- Ну как, нравится? - В голосе Терши чувствовалась усталость, однако он явно гордился сделанным. - Идите сюда и смотрите внимательнее!

Дым быстро рассеивался, уползая куда-то в щели между каменными блоками. Мало-помалу в храмовом зале становилось все светлее и светлее; вскоре четыре неподвижно замершие позади Терши фигуры можно было разглядеть во всех подробностях.

Взору Конана предстала точная копия его самого. Он даже ощупал себя, глядя на статую. Повторялось все, вплоть до расположения пор на коже. Каждый волос на голове двойника лежал в точности так же, как и у настоящего Конана. Столь же идеальными оказались и подобия остальных его спутников. Однако в глазах их пока что не было видно биения жизни - они казались пустыми и мертвыми, хотя грудь каждого из сотворенных двойников мерно вздымалась, словно они и в самом деле нуждались в воздухе.

- Они оживут по-настоящему, лишь когда выйдут за ворота храма, вполголоса пояснил Терша. - Опытный маг без труда распознает обычную подделку, особенно если она не живет и не дышит - но мои творения от живых отличить не так просто.

- И что будет, когда они выйдут отсюда? - не сводя глаз со своего двойника, осведомился Скарфен. - Их ведь просто изрубят в капусту, и мы ничего не добьемся!

- Нам и надо, чтобы их изрубили, - Терша издал короткий смешок. Горожане должны поверить в то, что справились с вами. И - хоть на краткое время - должен обмануться и сам Кивайдин. А другого выхода у нас все равно нет - если только вы и впрямь не решите пробиваться силой!

Взгляды спутников Конана обратились на него. Он не был их предводителем, напротив - его наняли; однако в решающие моменты незадачливые слуги чародея отчего-то стремились переложить бремя ответственности именно на киммерийца.

- Ты здесь хозяин, Терша, и решать тебе, но мы все равно будем готовиться к прорыву. Удастся ли тебе твой трюк - ведают одни боги. Я же больше полагаюсь на свой меч. Если все провалится - устроим здесь кровавую бойню! Неплохо бы, чтобы нас надолго запомнили...

- Мои создания не подведут, - прижал лапки к груди Терша. - Можешь не сомневаться, о недоверчивый из недоверчивых!

Конан только дернул щекой.

- А что будет, если обитателям Цхесты вздумается обыскать храм, после того как они прикончат твои творения? - раздался голос, Эйджеса.

- Пусть обыскивают, - беспечно махнул лапкой Терша. - Они могут обыскивать его еще хоть десять веков и, ручаюсь, обнаружат только пыль. Я придам вам облик тех пяти статуй, которых я превратил в ваши подобия. Никто ничего не заметит.

- И сколько же нам придется стоять здесь каменными истуканами? поинтересовался Скольд. На скулах его отвердевали и вновь распускались каменные желваки - верный признак того, что ему вся эта затея весьма и весьма не нравится.

- Не больше суток, - ответил божок. - Надеюсь, моим созданиям удастся вырваться из города; за ними в погоню наверняка устремится большая часть воинов. Выяснить, кто

именно, не составит большого труда, и я придам вам временное сходство с отсутствующими. Так мы сможем выбраться из Цхесты. Лошадьми, правда, придется пожертвовать - но в городе вы сможете достать себе других...

С каждой минутой Фьюри хмурился все больше и больше.

- А, по-моему, это сплошное безумие! - неожиданно взорвался он, стоило Терше на мгновение умолкнуть. - Да Кивайдин поймет, что ему подсовывают подделки, раньше, чем ты успеешь даже мигнуть, о Терша! И тогда нас уже ничто не спасет.

- Поднимись в дозорную башню, о благочестивый воин, - судя по возвращению холодновато-вежливых оборотов, божок здорово обиделся. Тем не менее его предложение выглядело здравым, и смотреть они отправились все вместе.

Терша негромко, совсем по-суслячьи свистнул и сверху, разматываясь, к их ногам упала веревочная лестница. Надувшийся божок с неожиданной ловкостью стал карабкаться по ней вверх; его примеру последовали и пятеро путников.

В темном потолке храмового зала отыскался узкий квадратный проем. С трудом протиснув через него мощное тело, Конан оказался внутри узкой башни. Сперва киммерийцу показалось, что стены здесь совершенно глухие, и он даже удивился, зачем Терше понадобилось тащить их сюда, однако божок ничуть не смутился.

- Прижмитесь лицом к стене и смотрите! - скомандовал он.

- А почем я знаю, что увиденное мной не будет мороком, который ты сам же и вызовешь? - недоверчиво проворчал киммериец.

- Да зачем же мне вас обманывать?! - Терша всплеснул лапами.

- Кто вас, богов, знает...

Пока они так переговаривались, четверо спутников Конана уже последовали совету божка.

- Вот это да!.. - услыхал киммериец потрясенный шепот Скарфена и, не удержавшись, сам прильнул к холодному камню.

И, к его полному изумлению, серая поверхность стены послушно сделалась прозрачной, как будто киммериец смотрел в самое обыкновенное окно. Цхеста лежала перед ним, как на ладони; стояла ночь, однако город казался залитым странным сероватым светом; светом, который совершенно не походил ни на звездный, ни на лунный, ни, тем более, на солнечный. Конан ни разу не видел такого страшного света. Однако благодаря этому диковинному свечению все, творящееся вокруг храма, можно было разглядеть в мельчайших деталях.

Храм окружало три кольца тяжеловооруженных воинов, и Конан мельком подивился, откуда небольшая, никому не ведомая Цхеста взяла деньги на такое количество панцирников? Кого ни попадя в железо не оденешь - драться в латах надо уметь...

Все улицы были перекрыты кордонами. На плоских крышах домов засели многочисленные лучники, держа на прицеле наглухо запертые железные двери храма. Светящихся шаров стало заметно меньше - они горели лишь у самой дверной арки. Разумно - враги окажутся на виду у всех, а воинов Цхесты прикроет темнота...

- Против такого заслона впятером не выйдешь, - киммериец впервые нарушил тяжелое молчание.

В одиночку, быть может, он и сумел бы прорваться, но законы киммерийской чести не допустили, чтобы в сознании Конана подобная мысль появилась бы пусть даже на краткий миг.

- Что ж, по-моему, иного выхода, кроме как согласиться с планом Терши, у нас нет, -

отозвался Скольд.

- А что я вам говорил, о благочестивые воины! - обрадовался божок. На сей раз вежливое обращение было искренним...

- Оставайтесь лучше здесь - так вы сможете все увидеть своими глазами, - предложил Терша, направляясь к открытому люку. - Как только я спущусь, поднимите лестницу; про дозорную башню в Цхесте мало кто знает...

Конан и его спутники последовали совету хозяина храма.

Божок скрылся из вида. Вскоре лестница чуть колыхнулась - Терша оказался на полу; Эйджес и Фьюри быстро втянули лестницу наверх.

- Теперь посмотрим, - Скольд поудобнее устроился у стены.

Снизу через открытый люк доносилось неразборчивое бормотание Терши - а затем тишину прорезали тяжелые шаги. Скрипнули петли тяжелых створок - а затем раздалось слитное и страшное пение сотен разом отпущенных тетив. Лучники Цхесты знали свое дело.

Однако уже в следующее мгновение Конан увидел, как на площадь перед храмом на всем скаку вылетели пять всадников, неведомым образом избегнувшие гибельного колючего ливня. Один из них (в нем киммериец со смешанным чувством удивления и брезгливости узнал себя) вскинул над головой меч и, размахивая им во все стороны, поскакал прямо на угрюмо темнеющие ряды копейщиков. Стрелы летели со всех сторон настолько густо, что едва не закрывали поле боя - однако пятеро воинов летели, словно заговоренные.

Конь с двойником Конана на спине первым домчался до вражеских шеренг. Доскакал, и - взлетел в длинном великолепном прыжке, обманув копейщиков, ударивших в то место, где он только что был. Копыта жеребца мимоходом снесли головы двоим латникам и вслед за первым всадником во вражеский строй врубились остальные. Считанные мгновения - и первый кордон был прорван. Пятерка бойцов с лихим гиканьем устремилась дальше, тотчас же скрывшись за крутым изломом улицы.

Лучники и копейщики Цхесты не сразу оправились от неожиданности; а оправившись и сообразив, что упустили святотатцев - с воплями ринулись в погоню. Просторная площадь перед храмом быстро пустела.

- Вот так-то, о благочестивые воины, а вы еще сомневались в Терше! донесся снизу ликующий голос божка.

И в самом деле, Конан не мог не признать, что сработано было очень лихо.

Глава 5.

- Теперь можно немного отдохнуть, - выдохнул Терша, совсем по-человечески пытаясь утереть пот со лба, почти отсутствующего у сусликов. В его торжественном храме вновь царил чинный порядок. Все изваяния застыли на своих местах; а нагрянь сюда с обыском хоть вся городская стража Столицы Воров, Аренджуна, - она ничего бы не нашла.

Теперь следовало осуществить вторую часть нехитрого плана. Терша знал, что его создания благополучно прорвались через все заслоны и в погоню за ними устремились девять десятых воинства Цхесты. Город почти не охранялся.

Бесконечная ночь, вместившая в себя такое обилие событий, все никак не могла окончиться. Неужели в храм никто так и не зайдет? На такую удачу Хранитель Цхесты боялся даже надеяться.

Он не успел даже перевести дух, как из бокового проулка вновь раздалось казавшееся ему донельзя отвратительным, режущее слух торжественное пение. Терша кое-как охватил короткими лапками голову и мысленно застонал. Конечно! Как он мог позабыть об этом! Его подопечные, конечно, уже поняли, что их бог никуда не делся, что он в своем храме - и решили, не дожидаясь окончания погони, совершить-таки торжественный обряд бракосочетания бессмертного Хранителя с выбранной ими "душой Цхесты" - пятнадцатилетней девственницей, с самого рождения подготовлявшейся к этому кошмарному для Терши ритуалу. Надо было что-то делать... немедленно... избавиться от этого облика... Маленький рыжеватый суслик стрелой вскочил на алтарный камень.

- Превеликий Хануман! - ту часть храма, где стоял жертвенник, быстро затягивало плотным теплым туманом. - Помоги! Молю тебя вновь! Избавь меня от этого кошмара! - в глубине белесых волн мглы стремительно метались из стороны в сторону какие-то темные тени. Внезапно они замерли - словно молящий и впрямь получил какой-то ответ.

- Конан! - заверещал Терша. - Очнись, очнись же, о благочестивый воин!

Одно из уродливых изваяний возле стены медленно разлепило серые каменные губы:

- Ну, чего тебе? - пробурчал искаженный, весьма отдаленно напоминавший прежний голос - низкий рык, почти что бас.

- Нам надо поменяться местами. Замени меня в этой ужасной церемонии! Ах да, ты же ничего не знаешь...

Терша, как мог, в нескольких словах объяснил свой замысел. Губы статуи снова вздрогнули, на сей раз сложившись в подобие саркастической ухмылки, свойственной киммерийцу.

- Ясное дело, я согласен!

- Тогда повелеваю камню, нынешней плоти твоей - иди сюда!

Раздался скрип. Одна из мощных ног статуи оторвалась от постамента и сделала первый, еще не слишком уверенный шаг. Второй дался уже легче, третий получился и совсем хорошо.

Торжественное пение за дверьми не умолкало. Площадь мало-помалу заполнялась народом в торжественных алых плащах. Воинов почти не было, зато пришли все остальные горожане, от мала до велика.

Во главе процессии двое облаченных в синие мантии жрецов осторожно вели под руки

закутанную с ног до головы в полупрозрачный белый газ девушку. Взоры простых смертных не могли коснуться ее красоты, предназначенной для лицезрения одним лишь Хранителем Города.

Предназначенная в невесты девушка шагала, не чуя под собой ног; несчастная была ни жива ни мертва от страха. Будущих подруг Терши держали, словно в тюрьме, и пуще всего следили, чтобы те, кто уже побывал во храме и вкусил сомнительные радости плотского соития, не поколебали бы веры юных божьих невест. Женщины, уже ставшие Женами Терши, высоко почитались в Цхесте; они составляли особую касту могущественных жриц, однако вход им в Обитель невест был строго-настрого заказан. И все же какие-то слухи не могли не просачиваться. По Цхесте шепотом опасливо передавалось, что эти жрицы предаются самому ужасному разврату, не сумев снискать расположения Божественного Хранителя, обделившего их во время брачной ночи супружескими радостями...

И потому девушка по имени Шейол, которую осторожно вели ко Храму два Великих Жреца, едва переставляла ноги. Она лишь смутно догадывалась о том, что ей предстоит.

А тем временем внутри строения над алтарным гранитом продолжал клубиться колдовской туман. Изваяние, тяжело шагая, преодолело последние футы до алтаря и, словно в воду, погрузилось в непроглядную мглу. Тоненький голосок божка забормотал непонятные заклинания.

Киммериец повел затекшими плечами. Он вновь стал самим собой; а на том месте, с которого только что ушло ожившее изваяние, уже стоял Терша, приняв вид статуи... Все было готово к началу церемонии.

Конан ожидал, что двери вот-вот распахнутся и торжественная процессия вступит внутрь; однако у него уже сводило от зевоты рот - а крыши домов окрасились первыми лучами наступающего рассвета - когда нескончаемые хоровые песнопения, наконец, закончились.

Короткая пауза... и тишина вновь сменилась медленной, тягучей мелодией. Предыдущие гимны навевали одну зевоту; однако этот отчего-то пробудил в Конане неясную тревогу. Посланное для поимки дерзких святотатцев войско все еще не возвращалось; а ведь по замыслу Терши двойники должны были погибнуть, чтобы, по крайней мере, успокоились обитатели Цхесты. Конан старался не думать о том, что изначально они должны были выбраться из храма чуть ли не вслед за ушедшими воинами...

Двери храма медленно распахнулись; внутрь хлынул бледный свет разгорающегося дня. Поспешно прячась за алтарь, киммериец успел заметить плотные ряды народа на площади и медленно двигающееся к Храму величественное шествие.

"А эти жрецы, оказывается, знают толк в женщинах", - невольно подумалось киммерийцу при одном взгляде на точеную фигурку божьей невесты. Лицо девушки скрывала вуаль, но волнующие линии плеч, ног и талии говорили сами за себя.

"Интересно, долго еще они будут завывать? - Конан начинал проявлять нетерпение, тем более, что хоры неспешно втягивались внутрь вслед за ведущими девушку жрецами. - Я чувствую, что возненавижу музыку навеки!.."

Приготовления к таинству оказались долги, скучны и однообразны. Что-то гнусавили жрецы, хоры продолжали распевать ("И как только не охрипнут?" подивился их выносливости Конан), служки возжигали в курильницах незнакомые киммерийцу благовония... Храм мало-помалу наполнялся сладковатым дымком, от которого немилосердно першило в горле и щипало глаза. Конан с трудом подавлял неудержимое

желание откашляться.

Закутанную в белый невесомый газ девушку долго водили взад-вперед, останавливая перед каждым изваянием, и тогда тонкая фигурка начинала медленно извиваться в причудливых фигурах завораживающего танца под негромкие звуки больших струнных арф, внесенных в храм одними из последних.

"Ну сколько можно!.."

Но вот, наконец, хоры потянулись к выходу; пятились задом, низко кланяясь нареченной, многочисленные жрецы; последними уходили музыканты. Однако песнопения вовсе не утихли, на что очень надеялся Конан; священные гимны грянули с утроенной силой - чтобы было слышно через любые стены, с тоской подумал киммериец.

Девушка осталась одна; трясущиеся пальчики начали разматывать скрывавшие лицо покровы. Киммериец осторожно выглянул...

"Да, она и впрямь могла стать Божьей Невестой, - невольно подумалось ему. - Хороша!.. Хороша, нечего сказать!.. И откуда только такая взялась здесь, в богами забытой Цхесте?!"

"Никто не должен ничего заметить, киммериец!" - вспомнил он последние слова Терши, сказанные божком за миг до того, как он сам обратился в статую.

"Да, разрази меня Кром... но девчонка же так юна..."

"Вот и хорошо, что ей встретился ты, знающий толк в женщинах и умеющий не причинить боли..." - отозвался ему чей-то голос в сознании.

Песенники на площади завопили так, что, казалось, сейчас рухнут толстенные стены замка. Девушка судорожными, механическими движениями снимала с себя слои невесомого, прозрачного газа; она тряслась от страха, хорошенькое личико помертвело, неестественная бледность пробилась даже сквозь толстый слой наложенных румян.

"Пора", - подумал Конан, вспомнив наставления Терши. Он знал, что, стоит ему выпрямиться - и его окутает алая светящаяся аура. Божок постарался обставить выход киммерийца должным образом.

Девушка только слабо вскрикнула, закрыв нарумяненное лицо ладонями. Ее обеспамятевшему взору предстал полуобнаженный великан с невероятными, никогда не виданными в Цхесте глубокими ярко-синими глазами. Словно торжественный плащ, его окутывало алое свечение; могучие руки, перевитые тугими жгутами великолепных мускулов, тянулись к ней, губы улыбались, открывая ряды белоснежных зубов. Да, это был истинный бог!..

Рука киммерийца осторожно коснулась немыслимо тонкой талии. Девушка вновь вскрикнула; глаза ее закатились, казалось, что она вот-вот может лишиться чувств. "Только этого мне не хватало... Сейчас, того и гляди, рухнет... Ну, этого мы тебе сделать не дадим. Таких, как ты, на руках носить нужно..."

И Конан легко, словно перышко, поднял обомлевшую цхестийку.

За алтарным камнем обнаружилось широкое и жесткое ритуальное ложе: на него киммериец и опустил свою бесценную ношу. Сознание девушка все-таки не потеряла и сейчас крепко прижималась к груди воина. Что ж, она, как видно, не из трусливых...

А потом произошло то, что мириады раз уже случалось на земле, когда красивый мужчина оставался наедине с красивой девушкой. Киммериец старался, как только мог; такого усердия он не проявлял и в спальнях лучших куртизанок хайборийских Королевств. К мужскому желанию впервые примешалось и нечто большее: неосознанное стремление защитить и сохранить - "Ну хотя бы на ночь, черт возьми", - это нежное и хрупкое создание,

волей судеб доставшееся ему...

И Конан добился своего, хотя при этом с него сошло семь потов. Высокий потолок храмового зала отразил ликующий крик. Забыв обо всем, юная жрица что есть мочи обнимала за шею своего бога, доставившего ей величайшее наслаждение в ее такой короткой и обделенной радостями жизни...

Однако он не успел даже перевести дух - не говоря уж о том, чтобы натянуть одежду - когда стройный хор на площади внезапно рассыпался и умолк, сменившись чьим-то низким, яростно-гневным рыком. Некто, облеченный силой и властью, явился, чтобы взыскать с нерадивых жрецов; а затем железные створки дверей сотряс мягкий, но страшный удар.

"Кивайдин! - огнем обожгла страшная мысль. - Разобрался-таки что к чему, подлец... Ловко, ничего не скажешь!"

В следующую секунду киммериец был уже на ногах. Все, что он успел сделать, это обмотать чресла набедренной повязкой и выхватить меч; и тут ворота рухнули.

По залу пронесся ледяной шипящий ветер. В дверном проеме полыхало багровое зарево; а на пороге, скрестив руки, неподвижно застыла темная, исполненная силы фигура. Конану хватило одного взгляда, чтобы понять, кто сейчас перед ним. Увы, его подозрения оправдались. Великий маг и впрямь добрался до них.

- Ну вот и пришел конец вашей дурацкой игре, Конан-киммериец, прогремел от двери мрачный, глубокий голос. - Приблизься и прими свою судьбу! В виде особой милости я дарую тебе право умереть в бою.

Девушка недоуменно открыла блаженно смеженные было глаза. Что здесь происходит? Куда делась алая аура ее бога, который только что был с ней, обнимал ее, оставил в ней часть самого себя - драгоценнейшую часть своего божественного семени? И кто этот жуткий человек у входа?.. Что ему надо? Как он вообще смог войти? Ведь засов был заперт!

Понимая, что все кончено, Конан медленно шел через зал. Его разум тщетно искал путей к спасению и не находил их. Конечно, что Кивайдину и его меч, и все чародейство Терши... В голову лезли темные, полные беспросветного отчаяния мысли.

Девушка за алтарным камнем приподнялась на ложе, во все глаза смотря на происходящее. Казалось, ее охватил столбняк. Она не кричала, не билась молча и сосредоточенно смотрела...

Признаться, киммериец думал о ней в эти последние - как он полагал свои минуты:

"Бедная девочка, лучше уж сшибиться с магом поближе к двери - авось, крыша если и обвалится, то ее - там, за алтарным камнем - все-таки не придавит..."

Казалось, что за спиной разгневанного мага полыхает весь город. Площадь исчезла, без остатка затопленная пламенем, и Конан не знал, искусная ли это иллюзия, или Кивайдин и впрямь решил разделаться со всей Цхестой...

Киммериец мягко продвигался вперед; чародей стоял неподвижно. Лица его Конан не видел - лишь порой что-то сверкало там, где должны были располагаться глаза.

- Ну что же ты медлишь, отважный Конан? - в голосе Кивайдина слышалась неприкрытая издевка. - Не больно-то ты скор! Разве так предписывают поступать тебе правила киммерийской чести?!

"Пусть говорит. Ему для чего-то надо меня раздразнить... но уж этого удовольствия я ему не доставлю!"

- Неужели ты боишься меня? - продолжал издеваться чародей. - Разве ты не видишь - я безоружен!

Конан лишь усмехнулся про себя. На такие фокусы он был горазд и сам. Иногда выгоднее напоказ отбросить меч, а дело решить ударом небольшого, затаившегося в рукаве кинжальчика...

Врагов разделяло не более шести футов. Конан приостановился; маг же продолжал говорить, явно потешаясь:

- Хотя, может быть, мне и не убивать тебя? Всего лишь оскопить, чтобы навсегда отбить охоту портить девушек! Ведь ты, в конце концов, оказал мне немалую услугу - мои нерадивые, заслужившие казни слуги здесь, и обращены в недвижные изваяния... Это очень, очень мне на руку! Ты избавил меня от множества хлопот, Конан из Киммерии...

Пока длилась эта хвастливая речь, варвар успел собраться с духом. В конце концов, это не первый волшебник, столь самоуверенно грозивший ему скорым и неизбежным концом. Хозяин Башни Слона тоже, к примеру, грозил. И многие другие тоже... Чего стоил хотя бы один Аманар!

- Что же ты медлишь, киммериец? Ну, подойди же, снеси мне голову своим славным мечом!

- Вряд ли мне это удастся, чародей, - стараясь, чтобы безнадежность и отчаяние звучали бы в голосе как можно явственнее, ответил Конан, в знак признания своего поражения низко опуская голову. - Что я могу сделать тебе, если мой меч против тебя бессилен?

Говоря так, он мало-помалу повернулся к чародею боком, прикрывая плечами и грудью напрягшуюся, готовую к удару правую руку с опущенным мечом. И, все еще продолжая говорить что-то сокрушенно-покорное, киммериец внезапно и резко взорвался стремительным движением. Все его мышцы напряглись в едином порыве, тело, точно отпущенная пружина, послало вперед руку с мечом; клинок был нацелен в грудь чародея. Конан надеялся только на внезапность, на то, что этот выпад в упор Кивайдин уже не отобьет.

Киммериец жестоко ошибался. Глаза волшебника внезапно и грозно блеснули на окутанном тьмой лице; в них светилось злое торжество. Молниеносным движением, которого не мог различить человеческий глаз, он отпрянул в сторону; острие меча прошло в пальце от его груди. Инерция собственного удара развернула Конана спиной к врагу; и тотчас же страшный удар в затылок отправил киммерийца на пол. Глаза застлал красный туман, однако варвар не потерял сознания и даже не выпустил меча из руки. Позади него раздался приглушенный, полный отчаяния девичий вскрик.

- Ну, вставай же, Конан! - загремел Кивайдин. - Вставай и сразись со мной, глубоким стариком! Я даже оставлю тебе твою железную игрушку! Поднимайся же и продолжим бой! Не порти мне развлечение, вставай!

И Конан встал. Больше ему просто ничего не оставалось. Перед ним стоял усмехающийся Кивайдин; в разверстых дверях храма по-прежнему полыхал негасимый магический огонь. Быть может, это была лишь иллюзия, и Конану была оставлена дорога для бегства - по странной прихоти волшебника; а быть может, это был и самый настоящий огонь... Во всяком случае, киммериец, стиснув зубы, заставил себя не смотреть на манящую арку входа.

- Атакуй же, чего ты ждешь! - Кивайдин вновь пренебрежительно скрестил на груди руки.

В сердце Конана начинала закипать медленная, черная ненависть. Обычно он не давал ей воли, понимая, что победу может дать лишь хладнокровие; но теперь становилось ясно,

что если что и вручит, так только это - древнее и страшное наследие несчетных поколений предков-варваров, переданное от них неукротимое стремление во что бы то ни стало убить врага, даже если ты уже весь изранен и изрублен... И порой эта ненависть способна была творить чудеса.

Второй выпад киммерийца прочертил кровавую полосу на груди чародея. Тот слишком увлекся насмешками и пропустил удар; хотя рана и была пустяковой, Конан внезапно ощутил прилив сил и уверенности. Враг вовсе не так уж неуязвим, как хочет казаться!

И тут Кивайдин показал, как он на самом деле умеет сражаться. Его голая ладонь небрежно, играючи отшибла в сторону закаленный тяжелый клинок варвара, в то время как другая рука резко ударила киммерийца в подбородок. Шейные позвонки хрустнули, но выдержали; удар, способный сломать шею даже быку, лишь еще раз опрокинул Конана наземь.

И вновь он поднялся. Рот был полон крови, в висках раздавались гулкие, глухие удары сердца, уже предчувствовавшего конец. Еще один выпад, еще, еще... Кивайдин уклонялся ловко, однако меч киммерийца еще дважды оставлял на нем легкие отметины.

Казалось, они бьются уже вечность, хотя на самом деле прошли считанные секунды после начала их поединка. В очередной раз сбитый с ног, Конан со всего размаха врезался в сваленную у стены груду их заплечных мешков и седельных сумок; ткань затрещала, и по полу покатился, слабо постукивая, какой-то зеленоватый, слабо светящийся предмет, при виде которого Кивайдин слабо ахнул - точь-в-точь как робкая девушка - и проворно отскочил в сторону.

Из прорехи в мешке выкатилась изумрудная статуэтка Ханумана, и странно-живые глаза горели яростным пламенем. Оно билось в глазницах, стремясь на волю - и внезапно пробило-таки себе путь.

Конан ощутил, как в спину ему ударили две горячие воздушные струи - это вырвавшиеся из глаз Ханумана желтые лучи коснулись тела варвара. Боль тотчас исчезла; ноющие мышцы налились новой силой. И, когда Конан поднялся на ноги, в глазах Кивайдина он заметил на миг проскользнувшую искорку неподдельного страха. Меч сверкнул серебристым полукружьем, словно и не полыхал совсем рядом мрачный багровый огонь, и на сей раз чародей уклониться не сумел. Левый бок его бесформенной хламиды стремительно потемнел от крови; Кивайдин беспомощно пошатнулся, прижимая к ране обе руки...

Киммериец потерял осторожность только на краткий миг, однако чародею хватило и этого. Кивайдин внезапно оказался совсем рядом; по-змеиному гибкие пальцы впились в сжимавшую меч кисть Конана, вторая рука метнулась к горлу. Ее Конан успел отбросить, однако из-за этого пропустил самый что ни на есть прозаический удар в пах, после которого он опять оказался на полу.

Кивайдин не повторил его ошибки. Он прыгнул вперед, точно голодный тигр на добычу. Выроненный Конаном меч был уже в его занесенной руке.

И тут ему под ноги с отчаянным визгом бросилась невысокая, закутанная в белый газ фигура. Руки ее были вскинуты в жесте не то мольбы, не то угрозы; тонкие пальчики, только что ласкавшие мощное тело Конана, обхватили руку чародея с мечом... предназначенная в невесты Хранителю Города, девушка теперь готова была на все, собой закрывая его от демона тьмы...

И предназначенный киммерийцу удар достался ей.

Клинок рассек ее левое плечо, дойдя до сердца. Белый газ окрасился багровым, кровь

фонтаном брызнула из страшной раны; потолок зала отразил слабый предсмертный крик...

Как в страшном сне, Конан видел эту сцену; время словно остановилось, маг замер, вцепившись в эфес торчащего из груди девушки меча, почти до самой крестовины залитого кровью. Несколько мгновений в храме царила жуткая тишина; а потом мертвые губы девушки приоткрылись, упавшие было веки поднялись вновь. Взор ее, странный и невидящий, казалось, источал холодный безжизненный свет. Залитый кровью клинок внезапно осветился, а затем покрывавшая его кровь несчастной словно ожила. Десятки и сотни ярко-красных змеек ринулись вверх по мечу - к сжимавшей его руке Кивайдина. И взор красных зрачков Ханумана был направлен прямо в спину убитой...

Маг заревел. Дико, страшно, в голосе его не осталось ничего человеческого; родившиеся из крови змейки впились в его незащищенную плоть, рука окуталась красноватым дымком...

Спустя еще миг Кивайдин швырнул меч и, завывая, опрометью бросился прочь, к выходу из храма, на бегу срывая с себя терзавших его красных тварей.

Подхватив меч, на острие которого извивался еще целый клубок алых созданий, Конан бросился в погоню. Такой случай упускать было нельзя; он обязан был догнать!

И он догнал, чуть не влетев в смертельные объятия бушующего на пороге пламени. Клинок еще раз вонзился в спину Кивайдина; новый вопль, красные змейки вновь ринулись вперед, но... Конан знал, что рана неглубока. Меч остался в его руке, а змейки, точно по волшебству, мгновенно исчезли.

Обессиленный Конан едва дотащился до погибшей девушки. Она лежала с блаженной, умиротворенной улыбкой на сомкнутых устах, как сломанная злой судьбой прекрасная игрушка - наивное, невинное и истово верившее в него, Конана, создание...

И тут могучее тело никогда не плакавшего киммерийца сотрясло отрывистое глухое рыдание: "Она умерла за тебя, помни это; она отдала свою жизнь, чтобы жил ты; и, значит, твой долг теперь - преследовать этого мага до самых дальних земных пределов, пока он не ответит за все".

Конан стиснул зубы так, что они захрустели. Однако, хотелось бы знать, что все это время делал доблестный Терша?! Конан одним прыжком подскочил к бессмысленно скалящемуся каменному истукану; не сдержавшись, он со всего размаха треснул по статуе кулаком.

- Что же ты сидел, пока меня убивали, а? - рявкнул киммериец, не слишком задаваясь вопросом, слышит его божок или нет. - Или, быть может, мне расколотить это идолище, чтобы ты понял, что такое боль?!.

Очертания изваяния внезапно подернулись знакомой киммерийцу магической дымкой, задрожали, теряя четкость... спустя мгновение ниша полностью утонула в сером мареве, а когда туман рассеялся, на постаменте вместо массивного обезьянца сидел Терша в прежнем своем сусличьем обличье.

- Прости, прости меня, благочестивый Конан, - виновато зачастил божок. - Прости, я не мог распутать собственное заклятье... я был так испуган, что перезабыл все на свете."

- Трус, - с презрением бросил ему киммериец. - Девчонка погибла из-за тебя, а ты... испугался он, видите ли! - передразнил Тершу Конан, зло сверкая глазами. - Ты можешь ей помочь? Лекарь-человек, конечно, давно бы отступился; но, быть может, ты докажешь, что не зря именуешься Богом?!

- Сейчас, сейчас... - торопливо забормотал Терша, опрометью кидаясь к убитой. Несколько мгновений его лапки осторожно скользили по краям страшной раны... а затем

божок виновато развел ими.

- Скорблю и проливаю потоки слез вместе с тобой, Конан... но тут уж ничего не поделаешь. Я бессилен! Нам и впрямь остается только оплакать ее, увы! Душа уже покинула тело...

- Вовсе еще не покинула, - вдруг раздался чей-то медленный, скрипучий голос - будто терлись друг о друга два шершавых камня. Конан и Терша обернулись разом, точно ужаленные - к ним обращалась изумрудная статуэтка Ханумана. Каменная пасть бога-обезьяны приоткрылась, глаза по-прежнему мерцали огнем. - Поднесите меня ближе к ней!

- П-повелитель... - жалко задрожал Терша. - Ты з-здесь? О, молю, не карай меня очень су...

- Я сказал - поднесите меня к ней! - обрывая бормотание Терши, зло проговорило изображение Ханумана.

Киммериец поспешно нагнулся, подхватив ожившую статуэтку. Она жгла руку, словно была только что вынута из печи; взор каменных светящихся глаз упал на разрубленное плечо, уже покрывшееся бурой коркой свернувшейся крови.

- Да... - тихо и чуть слышно выговорил Хануман (или его изображение?). - Мы опоздали. Из-за тебя, Терша, трусливый и нерадивый раб!

Суслик повалился на пол, очевидно, он пытался встать на колени, забыв, что тело его несколько отличается от человеческого. Его била крупная дрожь, шерстка встала дыбом...

- Хватит корчиться! - сурово бросил Хануман. - Если хочешь заслужить мое прощение - то должен будешь сопровождать этих людей, что принесли сюда мое изображение, к известному тебе тайному храму. Ты понял меня? Они должны дойти!..

И тут у обитавшего в статуэтке духа как будто иссякли силы. Озарявший глазницы свет бесследно исчез, приугасло и внутреннее изумрудное сияние; перед Конаном и Тершей на полу вновь лежала мертвая каменная статуэтка.

Киммериец и глазом моргнуть не успел, как Терша опрометью метнулся к превращенным в изваяния спутникам Конана. Не прошло минуты, как Скарфен, Скольд, Эйджес и Фьюри уже стояли вокруг киммерийца, забрасывая его вопросами.

- Потом, все потом! - отмахнулся тот. - Идемте, надо отыскать хоть каких-то коней, иначе нам не унести отсюда ноги!.. Давайте, разбирайте тюки, я вас сейчас догоню...

Магический огонь в дверях тем временем угас; взорам открывалась пустая, залитая солнцем площадь. На ней не было ни одной живой души.

Возглавляемая Тершей процессия в открытую двинулась через открытое пространство; киммериец же чуть задержался. Он в последний раз взглянул в лицо девушки; даже сейчас, отмеченное Смертью, оно не потеряло своего очарования.

- Ради меня ты пролила свою кровь, - негромко произнес Конан, обращаясь к убитой. - И клянусь тебе Кромом, богом моих отцов, что твой убийца перед смертью узнает ее вкус. Я заставлю его!

С этими словами он вытащил кусок тряпицы из своего заплечного мешка и, сломав запекшуюся корку, смочил платок кровью девушки. Потом аккуратно сложил его, спрятал в кожаный мешочек, а его - в потайной карман заплечного мешка.

Спутники уже ждали его.

Глава 6.

Лошадей они нашли без труда. В покинутой всеми конюшне спокойно стояли десять сильных, холеных коней. Ворота были распахнуты, конюшню никто не охранял.

- Это лошади городских стражников, - сообщил Терша, вновь обосновавшийся за пазухой Скарфена. - Ума не приложу, почему тут все настежь...

Конан тотчас же заподозрил ловушку, и потому в раскрытые ворота он входил точно в пасть огнедышащего дракона. Однако все обошлось благополучно, животных удалось беспрепятственно оседлать (упряжь нашлась тут же) и вывести наружу. Не прошло и нескольких минут, как отряд уже мчался верхами к городским воротам. Им по-прежнему никто не препятствовал.

Кое-где заметны были следы вчерашнего яростного боя. Остатки разметанных баррикад; сломанные копья, воткнутые тут и там в землю стрелы; бурые пятна, подозрительно похожие на высохшую кровь... Однако трупы - если они и были, с улиц уже исчезли.

Ворота Цхесты были наглухо закрыты.

- Ты знаешь, как они открываются? - крикнул Терше Скарфен.

- Да там самый обыкновенный засов!

Конан живо представил себе, как высыпавшая из окрестных домов многочисленная стража берет на прицел их, возящихся с толстенным бревном запора; уж он-то на месте здешнего командира не стал бы мешкать, нипочем бы не упустил столь выгодного момента! Все как на ладони; перестрелять их проще простого...

Однако никто из горожан так и не дерзнул бросить вызов страшным неуязвимым воинам. Лучники так и не появились, засов был отодвинут без помех, и под копыта коней легла пыльная дорога.

Конан навсегда покинул Цхесту.

Путь через вендийское пограничье оказался нелегким, однако не чрезмерно. Терша показал себя отличным проводником; он знал все до единого колодцы, удобные места стоянок, опасные участки, где могли появиться разбойники и где следовало держаться настороже. Без всяких приключений, счастливо избегнув встреч и с кшатриями, и с бандитами, и с горцами, путники мало-помалу приближались к великим Химелийским Горам. Терша безошибочно выводил их к богатым дичью местам, так что им даже не требовалось рисковать, заходя в селения, где легко можно было нарваться на кшатриев - или, что куда хуже, на шпионов или прислужников Кивайдина.

Терша провел отряд Конана в обход, далеко уклонившись к югу. И, уже почти достигнув горных хребтов, они повернули к северу. Здесь пришлось пробиваться сквозь влажные тропические леса, где они непременно бы заблудились, если бы не Терша. После трех недель пути божок резко свернул на восток.

Они шли по широкой долине. По ее склонам темнели вечнозеленые горные леса; беря исток на высоких ледниках, журчала небольшая и быстрая речушка. Места казались дикими; путники, как ни старались, нигде так и не смогли заметить следов человека.

- Хотел бы я знать, какой смысл строить храм в таком месте, где до него не доберется ни один паломник, даже если ему и приспичит помолиться! заметил как-то раз на привале Конан. - Тут глушь, какой свет не видывал. Сюда и из Вендии-то не меньше месяца пути, не

говоря уж о Туране или Кхитае! Нет, ничего не понимаю!

- Так ведь храм этот и строился как тайный, - откликнулся Терша. Он так и не расстался с сусличьим обличьем, объясняя это данным обетом. "Только обретя прощение Великого Ханумана, смогу я изменить свой вид", - совершенно серьезно объяснял он Конану и его спутникам. - Эта долина прямиком ведет к храму. Само строение стоит на левом склоне, примерно на середине. Правда, сейчас там вроде бы остались одни развалины...

- И вдобавок еще слуги Черной Ипостаси, - мрачно добавил Фьюри.

- Да, и еще они, - уныло кивнул божок. - Вы, четверо, не сможете войти туда, не сможете даже приблизиться... внутрь пойдем мы с Конаном.

- А если эта самая Черная Ипостась учует тебя издалека так же, как и их? - тотчас же спросил Конан. - Я не хочу рисковать. Если меня для них как бы не существует и, охотясь за мной, им придется полагаться только на обычные глаза и уши - лучше уж я отправлюсь один. По крайней мере, никто не будет путаться под ногами.

- Погоди так говорить! - не на шутку обиделся Терша. - Может, мне еще придется выручать тебя, о благочестивый воин!

- Там видно будет, - коротко отмолвил Конан, обрывая разговор.

Говорить и впрямь было не о чем. Терша отлично знал дорогу к тайному храму, однако сам ни разу не бывал в нем, не говоря уж о четверке незадачливых слуг Кивайдина. Так что вся работа вновь падала на одни лишь его, Конана, плечи... Уж какие там такие несметные сокровища - это еще вопрос (в последнее время киммерийцу фатально не везло с древними кладами; уже несколько раз он терял драгоценную добычу в самый последний момент из-за какой-нибудь нелепой случайности, как, например, получилось с золотом гномов...).

На третий день пути по долине ее склоны начали постепенно сходиться. Речка превратилась в быстрый ручей; и справа и слева в зеленых облаках листвы прорезались острые серые пики скал.

- Дальше мы не пойдем, - угрюмо осадил коня Скольд. - Я уже сейчас ощущаю смрадное дыхание этих нелюдей! Нам пора останавливаться.

Четверо спутников Конана избегали смотреть ему в глаза при расставании. Им было стыдно, они краснели и отводили взоры, не находя слов для прощания. Все инструкции были уже даны и затверждены несчетное число раз - Конан должен был вынести из развалин либо вторую изумрудную статуэтку Размышляющего Ханумана, либо Главный Глаз Ханумана с большой статуи Размышляющего Бога. Все остальное - по усмотрению самого киммерийца. Все богатства, которые он сможет унести - его. Надо признать, что подобные условия Конана весьма устраивали, неясным оставалось только, согласится ли с подобным сам Размышляющий Хануман...

И еще Конана беспокоил Кивайдин. Чародей ни разу не напомнил о себе за все время их пути; однако киммериец не сомневался, что их враг отнюдь не мертв. Что-то подсказывало Конану - маг еще встанет у них поперек дороги; хорошо бы только, чтобы это случилось уже после того, как он, Конан, успеет вынести свое золото...

- Отсюда до храма - полдня пути, - оценивающе прищурился Терша, глядя вдаль. - Я бы оставил коня здесь, Конан...

- Интересно, а на чем же я вывезу свою добычу? - возразил киммериец, садясь в седло. - Если хочешь, то можешь добираться до храма сам, Терша.

Божок с потешным сомнением взглянул на свои короткие лапки - и без лишних слов вспрыгнул на протянутую руку Конана.

Взятая в Цхесте кобылка оказалась послушной и выносливой. Вот и сейчас, повинуясь направляющей ее сильной руке киммерийца, она шла неспешным шагом самым верхним краем поросли густого и жесткого остролистого кустарника, вдоль стены каменных обрывов. Серые башни взносились над головой, их вершины, казалось, доходили до самых облаков. Кругом царила глубокая тишь; внизу под легким ветром чуть заметно колыхалось зеленое море. И впервые за много дней Конан ощутил удивительное спокойствие, - словно разлитое в воздухе этой долины, оно властно вытесняло все кровавые и черные воспоминания, заставляя расслабиться напряженные, обхватившие эфес меча пальцы.

- Что ты чувствуешь, Терша? - шепотом обратился Конан к своему удивительному спутнику (по правде говоря, киммериец так и не привык к говорящему суслику, да еще вдобавок умеющему колдовать).

- Чистое дыхание Великого Ханумана! - чуть торжественно, однако тоже шепотом, отозвался божок. - Даже отравные испарения Черной Ипостаси не смогли одолеть эманации Истины!

Конан не знал, что такое "эманация"; впрочем, сейчас это было уже не важно. Мысленно киммериец пожелал Терше попасться на зуб лисице или степному орлу за неумеренную восторженность.

- Ты что, не чуешь, где эти ваши слуги Черной Ипостаси?!

- Нет, - смутился божок. - Но они наверняка в храме! Где же им еще быть? Откуда им знать, что мы должны пожаловать?

Киммериец хмыкнул. У него было свое мнение по этому поводу. Как правило, служители всяких Черных Демонов, Ипостасей, Колдунов и прочей нечисти обнаруживали удивительную прозорливость и почему-то оказывались в таких местах, где их уж никак не должно было быть.

Лошадь Конана осторожно ступала по узкой тропке, вившейся вдоль неприступного обрыва. Дно долины скрывал густой лес; время от времени среди зарослей сверкала серебристая лента речки. Нигде никаких руин, никаких дымов - девственные джунгли. Конан уже засомневался даже, отыщут ли они вообще хоть что-нибудь, как неожиданно увидел кольцо коричневых развалин, почти поглощенных стремительно наступавшим лесом. Киммериец резко натянул поводья, соскальзывая с седла в траву.

Чуть ниже и правее него, на склоне горы виднелось широкое кольцо высоких коричневых колонн; меж ними громоздились бесформенные груды обломков, среди которых поднималась молодая поросль, однако она выглядела совсем уж молодой - на глаз лет шесть-семь, не больше.

- Храм! - страшным шепотом сообщил Терша. Тело божка била крупная дрожь.

- Это? - фыркнул Конан. - Да это ж какой-то погреб, вот и все! Между здешними колоннами и десять человек не встанет! Что ж за храм-то такой?

- Тайный, тайный, от всех сокрытый храм... - нараспев, точно завороженный, проговорил Терша, неотрывно глядя черными глазками-бусинками на кольцо руин. - Здесь никогда не собиралось много народа. Размышляющий Хануман не нуждается в коленопреклоненных толпах.

- А где вход? - прежним шепотом осведомился киммериец. - Наверняка ведь нужно будет идти в подземелья?

- Вход должен быть в самой середине Колонного предела... - пробормотал Терша, правда, без особой уверенности. - Я никогда не был здесь...

- И ждать нас будут именно внизу?

- Наверное...

- Наверное... А где вся твоя магия? Ты что, стал обыкновенным сусликом? - не удержался Конан.

- Я слуга великого Ханумана... - чуть не плача, ответил несчастный божок. - Здесь, в священном месте, только он властен творить чародейства!

Киммериец вполголоса выругался. Кром разорвал бы этого божка-неудачника! Толку никакого...

Оставив лошадь привязанной к толстому, выпиравшему из каменистой земли корню, Конан и Терша со всеми мыслимыми предосторожностями спустились к кольцу коричневых колонн. Все оставалось спокойным. Беспечно перекликались лесные птахи.

Руины не показались Конану хоть сколько-нибудь интересными. Колонны как колонны, обломки как обломки - сколько ему встречалось таких! Терша тут же принялся шнырять взад-вперед по камням, отыскивая обещанный им киммерийцу вход; на взгляд Конана, рухнувшие плиты лежали настолько плотно, что между ними не проскользнула бы и мышь.

Он попытался, вслед за божком, заглянуть под камни - бесполезно. В некотором недоумении Конан попытался даже подсунуть под одну из плит свой меч, когда внезапно услыхал тихое, но злобное шипение:

- Ни с места, и брось свою железяку, великан!

В подтверждение сказанному над плечом Конана коротко свистнула стрела, с коротким треском сломавшаяся об одну из колонн. Это было предупреждением шелохнись только, и мы в один миг утыкаем тебя стрелами...

Не разгибаясь и не выпуская из руки клинка, Конан медленно повернул голову. Кольцо колонн окружало десятка три низкорослых лучников в старых, изодранных черных одеждах. Самый высокий из них ростом был едва по локоть Конану; однако сейчас колоссальное преимущество киммерийца в силе не имело никакого значения - на него в упор было направлено три десятка холодно блистающих наконечников. Терша бесшумно юркнул в какую-то дыру; его так никто и не заметил.

Глава 7.

Конан со вздохом выпрямился, подняв над головой руки. Когда в тебя целится три десятка лучников, лучше не совершать резких движений. Пусть подойдут поближе - тогда мы еще посмотрим, кто тут из нас двоих бросит свою железяку...

Однако командир стрелков оказался далеко не так глуп, как хотелось бы Конану.

- Раздевайся! - услыхал он следующую команду. Из рядов облаченных в черное тряпье стрелков вышел их предводитель - хромой, невысокий, узкоглазый и узколицый: казалось, череп его зажимали в тисках, нарочно стараясь придать ему вытянутую форму. Заостренную макушку едва прикрывали редкие и сальные черные волосы; между них просвечивала бледная, как у трупа, кожа - зрелище оказалось весьма и весьма неаппетитным.

- Катись ты... - равнодушно ответствовал ему Конан по-вендийски. Он не раз бывал в подобных ситуациях и знал, что если бы у стражников был приказ убить его, они бы не стали разводить разговоры. Одна хорошо нацеленная стрела из-за укрытия... А раз они не поленились окружить его и завести свои дурацкие разговоры - значит, он нужен им живым. Киммериец собрался в комок, готовясь прыгнуть, - если не останется другого выхода.

Предводитель с вытянутым черепом еще обдумывал достойный ответ чужаку, а его подчиненные нетерпеливо переминались с ноги на ногу, когда вдруг прямо под ногами Конана раздался скрип и плита, на которой он стоял, вдруг поползла в сторону, открывая черную дыру входа в подземелье.

- Конан! Сюда! - из провала появилась мордочка Терши. Не раздумывая ни секунды, киммериец метнулся вниз, в спасительную темноту, и воздух над его головой застонал от многочисленных стрел.

Варвара со всех сторон охватил полный мрак. Плита быстро закрывалась, дневной свет стремительно мерк. Возле самых ног киммерийца что-то завозилось.

- Возьми меня на плечо, - услыхал Конан голос божка. - Мы в привратном покое. Отсюда по спиральной лестнице придется спускаться вниз, к главному залу, там мы узрим самого Великого Ханумана - его почитаемое всеми изображение, в кое столь часто в былые годы сходил его пресветлый дух! Терша почти что впал в благоговейный экстаз.

- А эти, с луками... это и есть служители Черной Ипостаси?

Терша тихонько рассмеялся.

- Эти?! О нет, киммериец! Это жалкие отбросы, палачи, наемные убийцы и прочие злодеи, что бежали от вендийского и кхитайского правосудия! Настоящие слуги Черной Ипостаси подкармливают их... и порой отправляют в вендийские пределы заниматься привычным разбойным делом.

- Они не полезут за нами? - осведомился Конан, подозрительно оглядывая темный потолок. - Сказать по правде, я уже жалею, если нет: быть может, у них факелами можно разжиться! А то темно, хоть глаз коли, куда тут пойдешь?

- Иди, куда я скажу, - уверенно заявил Терша. - Здесь, в верхнем зале, одни только руины, нам нужно вниз - и поскорее, пока настоящие слуги Черного Ханумана не пожаловали сюда!

- А хоть какие они? - полюбопытствовал Конан. - Небось опять какие-нибудь... с рогами да со щупальцами?

- С щупальцами? Нет! - удивился Терша. - Лучше бы нам не говорить о них в этом месте,

киммериец. Не буди лихо, доколь оно тихо.

Киммериец хмыкнул, однако вопросов больше не задавал. Подчиняясь указаниями примостившегося на его плече Терши, он осторожно пробирался вперед, сквозь кромешную тьму. Под ногами, судя по всему, громоздились обломки каменных плит; идти приходилось очень медленно, чтобы нога не провалилась в какую-нибудь предательскую щель.

Конан шел, шел и шел, ему казалось - он идет уже целые сутки и наверху давно наступил вечер; однако, когда позади него раздался скрип открываемой плиты, он невольно поразился, увидав, сколь малое расстояние отделяет его от светлого квадрата в потолке подземелья - он миновал самое большее с сотню футов.

Лучники в черном, держа в руках помимо оружия еще и брызгающие искрами факелы, один за другим спрыгивали на пол. Кто-то не удержался на ногах, с болезненным стоном повалился на бок; однако сразу пять или шесть глоток кровожадно завопили: "Вот он!"

Затылком чувствуя слабое дуновение от пронзающих воздух стрел, Конан ринулся вперед, петляя из стороны в сторону. Тершу мотало так, что он еле-еле удерживался на плече киммерийца; однако маленький божок все же ухитрялся срывающимся голосом подсказывать Конану направление.

Подземелье казалось бесконечным; то справа, то слева с противным визгом воздух резали стрелы.

- Сейчас... сейчас... - как заведенный, твердил Терша, - еще немного и будет вход на лестницу... туда это отребье не сунется...

Оборванцы с луками показали себя неплохими бегунами - славившийся быстротой и неутомимостью бега киммериец никак не мог от них оторваться; хотя, быть может, так получалось потому, что разбойники оказались в прекрасно знакомом им месте, Конан же невольно ждал каждое мгновение, что нога его внезапно провалится в бездну, не встретив под собой опоры...

Низкорослые лучники пристрелялись уже почти наверняка, когда Терша внезапно взвизгнул в самое ухо Конану:

- Лестница! Вот она! Вправо! Разгоряченного бегом лица киммерийца коснулся поток поднимавшегося из глубины прохладного воздуха со странным запахом горьковатых благовоний - верно, его гнали вверх специальные устройства. Конан ощутил справа от себя пустое пространство - и, не раздумывая, метнулся туда. И вовремя, потому что несколько стрел свистнули у него над самым ухом - еще мгновение, и следующий залп преследователей стал бы для него последним.

Под ногами оказались широкие щербатые ступени. Спиральный ход, плавно изгибаясь, шел в глубь земли; и тут киммерийца невесть отчего охватил странный, беспричинный ужас - ужас, какого он не испытывал никогда. Это не было страхом - его Конан и так почти не ведал; это не было боязнью драки, смерти, боли или тому подобного - нет, это было каким-то слепым всепоглощающим чувством такого древнего, дремучего и первобытного ужаса, что тело отказалось повиноваться отважному духу варвара. Ноги подгибались, в коленях появилась предательская дрожь. Конан не мог понять, чего же - или кого - он так испугался. Глаза до боли вглядывались в окружавшую его темноту; напрасно. Он ничего не мог разглядеть, хотя всегда гордился своей способностью видеть по ночам.

- Что здесь такое, - губы отказывались повиноваться Конану, слова едва можно было разобрать.

- Это... истинные слуги Черной Ипостаси, - еле слышно пролепетал в ответ тот. - Эта

лестница - единственный спуск вниз... к их логову...

- Да кто они такие, эти твои "слуги"? - возвысил голос киммериец, презирая себя за невольную слабость.

Терша не успел ничего ответить. Мрак перед самым лицом Конана внезапно заколыхался, точно морская гладь, и киммерийцу почудилось, будто он сходит с ума - он не видел эту черную рябь, но ощущал ее неким вторым зрением, ставшем в те мгновения надежнее зрения, слуха и осязания. Киммериец знал, что его сейчас в упор рассматривают бесчисленные холодные взоры многоглазого призрачного существа, столь древнего, что по сравнению с ним даже покрытые пылью веков гробницы Стигии показались бы возведенными только вчера. Неисчислимые века обитал здесь, на вырубленной неведомыми строителями лестнице демон-привратник; и тысячи тысяч существ прошли за эти столетия перед его безразличным, холодным взором.

Тьма вокруг Конана изменилась. Теперь она сделалась неоднородной, в ее черном океане поплыли причудливые серые пятна; в пятнах, как заметил Конан, мельтешили какие-то фигурки, иногда мелькали даже яркие дневные краски обрывки воспоминаний, мыслей, чувств. Достояние тех, кто уже прошел по этой лестнице, чтобы вернуться затем к свету или же навсегда остаться в подземной жадной тьме - ныне они принадлежали привратнику. Холодные глаза пристально вглядывались в самую сердцевину памяти Конана, отбирая оттуда по одному демону ведомым признакам что-то для своей исполинской кунсткамеры... В сознание киммерийца медленно вползал ледяной холод, холод предсмертного ужаса. "Чудовище же просто выпьет сейчас меня, - отрешенно подумал он, отчего-то в один миг утратив и волю к борьбе и всегдашнюю свою злую решимость. - Он выпьет мою память, и я навечно останусь здесь... быть может, одним из одетых в лохмотья лучников. Тело без мыслей, без воспоминаний, без чувств... с одними животными желаниями..."

"Нет! Не поддавайся! Подними меч! Ему надо противиться! Сопротивляться!" - зазвенел в ушах тонкий, комариный писк, очевидно, это был Терша...

Несмотря на то, что липкий парализующий страх не отступал (Конан чувствовал себя пойманной мухой, которую пристально рассматривают несколько мгновений перед тем, как прикончить), киммериец судорожным усилием воли двинул правую руку к висевшему на перевязи оружию. Один Кром ведает, как с помощью простого стального клинка можно бороться с призраками - даже не с демонами, которые имеют хоть какую-то плоть - а именно с призраками, лишенными всякой телесной оболочки...

Казалось, мрак расплывается в слюнявой ухмылке. Серые пятна с заключенными, точно в клетки, воспоминаниями, поплыли быстрее, словно выделывая фигуры ритуального танца. Конан готов был поклясться, что слышит нетерпеливое чавканье незримой пасти.

Обливаясь потом, киммериец все-таки сумел вытащить меч из ножен. Как затравленный зверь, он озирался, стараясь понять, что же теперь делать, если рубить - то кого?!

А в висках тем временем нарастала холодная вязкая боль. Словно большой студенистый шар, она каталась внутри черепа варвара, разбухая, становясь с каждой секундой все объемнее, угрожая заполнить собой всю голову и разнести в пыль непрочные кости. Это была боль опустошения; призрак прибавлял к своему собранию новые и новые картинки.

И тут в дело вмешался Терша. Божка тоже трясло от страха - даже сквозь железную сеть кольчуги Конан чувствовал, как трепещет тщедушное сусличье тельце; однако в решающий момент Терша бросился вперед с решимостью и яростью голодного тигра, оказавшегося среди беззащитного стада. Божок метнулся прямо в самую густоту мелькавших серых пятен -

короткий черный росчерк, тут же канувший в непроглядном мраке.

- Беги, Конан! Вниз! Вниз по лестнице, я его отвлеку! - донесся прощальный не то всхлип, не то вскрик и вновь наступила звенящая, гнетущая тишина. Однако шар холодной боли в сознании Конана внезапно лопнул, рассыпавшись мириадами острых льдистых игл, и сознание вновь прояснилось. Не теряя более ни мгновения, киммериец ринулся вниз по погруженной во мрак лестнице.

Виток, виток, еще виток... сколько же их, Кром, и будет ли когда-нибудь конец у этой каменной кишки? Ступени летели под ноги десятками, десятки складывались в сотни... поворот, поворот, еще поворот; и Конан не сразу заметил, что под ногами уже не лестница, а гладкий, отполированный пол громадного подземелья.

Спуск кончился. Киммериец перевел дыхание... а тьма начала постепенно рассеиваться, отступая под натиском света, разгоравшегося в расставленных по подземелью причудливых бронзовых фонарях. Пещера озарилась; варвар стоял на самой ее середине.

Нельзя сказать, что подземный зал поражал роскошью и богатством убранства. В противоположных концах подземелья на возвышениях стояли два одинаковых трона, искусно вырезанные из драгоценного розового дерева и украшенные громадными черными жемчужинами - каждая стоимостью в добрый дворец, как тут же определил Конан. Вдоль стен тянулись каменные скамьи; стены украшала затейливая мозаика, изображавшая различные славные деяния Ханумана, Царя Обезьян. Этим, собственно, и исчерпывалось описание храма если не считать небрежно сваленных в углах груд драгоценной утвари, безделушек и просто золотых самородков вперемешку с самоцветными камнями.

Однако в тот момент взоры Конана оказались прикованы отнюдь не к сокровищам. Он вспомнил слова Терши и Скарфена о том, что храм "захвачен" слугами Черной Ипостаси; однако это оказалось не совсем так. Храм изначально строился как средоточие сил двух ипостасей многоликого божества: Ханумана Размышляющего и Ханумана Черного, еще именуемого кое-где в народе Душителем. Согласно бытовавшим здесь, в Вендии, верованиям, Черный Хануман является к человеку в последние мгновения его жизни и, сжимая сердце незримой дланью, выдавливает из еще живого тела трепещущую душу. Занятие несколько мрачноватое, зато - с точки зрения вендийца - исключительно полезное. Что было бы, если б недостойные светлого посмертия души оставались неприкаянными, бродя вне Обители Богов дорогами сего мира?

На одинаковых розоватых тронах в разных концах зала восседали два величественных изваяния. Слева от киммерийца застыла статуя зеленого камня, цветом очень похожего на изумруд, из которого изваяна была небольшая статуэтка Размышляющего Ханумана, добытая Конаном и Скарфеном из подвалов эмира в Аграпуре. Хануман сидел, задумчиво касаясь лба средним и указательным пальцами левой руки; правая, покоившаяся на коленях, перебирала четки. Неведомый скульптор гениально запечатлел выражение глубочайшей сосредоточенности и отрешенности в облике погруженного в раздумья Бога. Персты его были унизаны бесчисленными кольцами; два глаза полуприкрыты тяжелыми веками, третий же, в самой середине лба - напротив, широко раскрыт. В зеленоватой изумрудной оправе дивным огнем горел огромный бриллиант. Размером с куриное яйцо, идеальной формы, тысячегранный, он светился и играл так, что было не понять, отражается ли это свет бронзовых ламп от его бесчисленных граней, или же внутри самого камня живет его собственный магический огонь...

Размышляющий Хануман был лишен всяких зримых атрибутов силы и величия, вроде

скипетров, мечей, жезлов, секир и тому подобного; зато у его темного двойника этого добра имелось с избытком.

Взглянув направо, Конан в первый миг не понял, отчего изображенную здесь Ипостась именовали "черной" - изваяна она была из чистейшего белого камня, сперва показавшегося киммерийцу слитком искристого серебра.

Черный Хануман застыл, подавшись вперед, словно собираясь вскочить во гневе; узловатые длинные пальцы стискивали подлокотники трона, готовые схватить любое из окружавших трон смертоносных орудий. Мечи, копья, топоры, секиры, пилы, серпы, косы и тому подобное - все изображено с пугающим реализмом. Киммериец готов был поклясться, что в случае надобности это каменное оружие послужит не хуже настоящего.

Кривоватые ноги Душителя напряглись, готовые в любой момент оторваться от пола: Бог словно готовился к стремительному и длинному прыжку. На шее его красовалось ожерелье из человеческих черепов - все, как один; были увенчаны царскими коронами.

Лицо Черного Ханумана было иссечено частой сетью глубоких морщин; глаза скрывались под низко нависшими надбровными дугами. Могучие мышцы груди и плеч бугрились от напряжения: Бог-Душитель был готов к немедленному бою.

После встречи с призрачным привратником ноги у Конана еще слегка подкашивались. Переведя дух, киммериец стоял посреди пустого зала, озираясь по сторонам. Где же, во имя Крома, здесь может быть эта проклятая статуэтка? Очевидно, придется перетряхивать все кучи этого драгоценного хлама...

Конан двинулся вдоль ближайшей стены, вороша острием меча небрежно набросанные груды золотых кувшинов, кубков и чаш, серебряных цепей и ожерелий с самоцветами, царских посохов и жезлов, изукрашенных дивными каменьями латных рукавиц и тому подобного. Кое-какие небольшие, но особо ценные вещицы одна за другой перекочевывали в мешок варвара.

"Хотел бы я знать, кто засветил для меня эти лампы, или же так происходит всякий раз, когда в зал кто-либо входит?" - подумал Конан...

Шаг за шагом он приближался к розовому трону с Размышляющим Хануманом. Мешок киммерийца приятно отяжелел, однако главного, за чем он пробирался сюда, так до сих пор и не нашлось. Поневоле мысли Конана обратилась ко второму предмету, упоминавшемуся Скарфеном - Главному Глазу Ханумана. Бриллиант дивно сиял и искрился, притягивая взгляд; добыча его казалась делом совсем несложным - ковырнешь раз-другой кинжалом... Однако что-то подсказывало Конану, что самые завлекательные возможности на деле, могут оказаться здесь хитроумными западнями; врожденная осторожность варвара на сей раз взяла верх над алчностью. Киммериец твердо решил сперва обшарить, как следует, весь зал и уж потом, если и впрямь ничего не отыщется, попытаться овладеть Главным Глазом.

Он продолжал свой обход. Торопиться было некуда; Конан запретил себе думать о том, что же случилось с Тершей, и вообще, как он будет выбираться отсюда; сперва нужно было найти искомое.

Жемчуга черные, розовые, белые; золото в слитках и в самородках, в монетах; алмазы неограненные, ограненные, светлые, темные; самоцветы алые, зеленоватые, темно-синие, почти черные... Даже в пещере гномов Конан не видывал такого богатства.

Мало-помалу он подходил все ближе и ближе к трону Ханумана Душителя. Переворошенные груды несметных сокровищ оставались позади; заветной статуэтки нигде не было.

Надо сказать, что киммерийцу не слишком-то хотелось подходить вплотную к Черной Ипостаси. Статуи статуям рознь; иные, случается, проявляют куда как удивительную резвость в самый неожиданный момент...

Киммериец закончил перебирать драгоценности в углу подле трона Душителя; повернул голову и под ногами Черного Бога вдруг увидел то, что искал. Вырезанная из зеленого изумруда небольшая фигурка закатилась между мощных ступней Ханумана; и, в отличие от всех прочих вещей в зале, статуэтку покрывал вековой слой сероватой пыли.

Другой на месте киммерийца кинулся бы к вожделенной добыче, забыв обо всем, однако Конан не совершил бы подобной глупости даже в мальчишеские годы. Пыль эта... явно неспроста. Кто-то регулярно вылизывал все огромное подземелье, не исключая и саму статую Ханумана Душителя - а эта фигурка, во-первых, валялась уж слишком не на своем месте; и во вторых - почему к ней никто никогда не прикасался?

Киммериец застыл, размышляя. Казалось бы, что может быть проще протяни руку и возьми! Но, как хорошо известно, бесплатный сыр бывает только в мышеловках.

После минутного раздумья Конан решил не рисковать. Подобрал слиток золота поувесистее, примерился - и не слишком сильно бросил с таким расчетом, чтобы слиток, ударившись в пол перед статуэткой, покатился и выбил бы фигурку из-под ноги зловещего изваяния.

Однако статуэтка даже не дрогнула. Бросать сильнее Конан не хотел из страха повредить фигурку; после еще трех бесплодных попыток он, наконец, решился. Осторожно опустившись на колени, он протянул руку.

Звенящая тишина подземелья внезапно нарушилась хриплым недобрым смешком, раздавшимся прямо над головой киммерийца. Сомнений быть не могло смеялось, оживая, изваяние!

Одним движением Конан оказался на ногах, крепко прижимая к себе левой рукой изумрудную фигурку, а в правой уже сжимая меч. Зловещий смех повторился; Душитель пошевелился на своем роскошном троне и медленно повернул к варвару уродливую голову. Взгляды бога и смертного скрестились; и киммериец едва не вскрикнул от изумления - у глядящего на него в упор изваяния оказались накрепко запавшие в память Конану глаза чародея Кивайдина!

- Ты удивлен, не правда ли? - Каменные челюсти задвигались, однако грудь волшебника оставалась недвижной, словно он не нуждался в воздухе. - В это не так-то просто поверить, а, мой мальчик? Да, что и говорить, розыгрыш оказался неплох и игра доставила мне истинное удовольствие. Если бы только не одно лишь но...

Только теперь Конан увидел, что кисть на правой руке Кивайдина-Ханумана обглодана; белый камень обнажил черные кости; можно было только удивляться, как это не бросилось в глаза варвару раньше. Каменные члены задвигались, распрямляясь, мощное тело поднялось с сидения и Душитель шагнул прямиком к киммерийцу.

- Ты, конечно, хотел бы знать, кто я такой на самом деле, - мерно говорило существо, неспешно двигаясь к отступающему Конану. - Что ж, я скажу тебе это - перед тем, как выдавить из тебя твою жалкую душонку, подобно тому как женщина выжимает грязную тряпку! Так вот, узнай же, червь - я и есть Черная Ипостась! Много, бесконечно много веков пришлось довольствоваться мне жалкой ролью какого-то мага, но теперь все изменилось!

Голос Душителя становился все громче и громче, почти уже переходя в гулкий рев.

- Скоро, очень скоро позабывшие, что такое страх, народы вновь вспомнят обо мне!

Вновь на главных площадях городов будут воздвигаться храмы в мою честь и каждый день - слышишь, варвар, каждый день! - на моих алтарях будут трепетать в руках душителей юные девственницы, отдавая свои души - мне! Смертные вспомнят свое место и, валяясь предо мной во прахе, будут умолять взять вместо их жалких душонок души их близких - сестер, невест, дочерей... Легионы верных мне воинов огнем и мечом пройдут всю землю из конца в конец, изгнав прочь презренных служителей иных богов, вроде вашего Митры. И тогда истинный Хозяин - Страх - овладеет всем Сущим, а править его именем буду я, Черный Хануман, Хануман Душитель!

Глаза Бога горели диким желтым огнем, с высунувшихся из пасти клыков сочилась и капала вниз светящаяся изумрудная слюна. Потрясая воздетыми кулаками, он надвигался на киммерийца; Конану ничего не оставалось делать, как шаг за шагом отступать. Вряд ли его меч помог бы остановить ожившего каменного истукана. Варвар взглянул на прижатую к боку статуэтку Размышляющего Ханумана - не оживут ли глаза фигурки, не придаст ли ее взгляд новых сил подобно тому, как случилось в цхестинском храме?.. Однако фигурка оставалась простым куском мертвого изумруда - пусть даже и очень красивого...

Сколько еще смогут они кружить вот так по подземелью, от одной стены к другой? Черный Хануман все увереннее и увереннее теснил варвара в угол; не убыстряя шага, разведя в стороны длинные, неимоверно сильные руки, он шел прямо на Конана и - говорил, говорил, говорил...

Его слова воистину были словами безумца. Задыхаясь и захлебываясь, он говорил о грандиозной Империи Страха, о пирамиде до самых звезд, что будет сложена из выбеленных человеческих черепов, о пиршествах, на которых главными блюдами будут задушенные новорожденные младенцы... О призвании жутких колдунов и чародеев из давно забытых гробниц, верных слуг Душителя; и, когда их соберется достаточно - о великом походе, который повергнет во прах всех остальных небожителей, чтобы утвердить священную власть Черного Ханумана над всем сущим.

Спиной киммериец уже чувствовал стену. Дальше отступать было некуда и он, извернувшись, проскочил под рукой Душителя в самый патетический момент его речи. Проскочил, сам удивившись легкости, с какой это удалось. И, оказавшись за спиной у врага, Конан четко, как на занятиях с новобранцами, сплеча рубанул мечом по мощной шее Черного Ханумана.

Это был испытанный прием. Медвежья сила варвара позволяла ему разрубать этим ударом лучшие кольчуги, однако на сей раз именно сила сослужила Конану плохую службу. Клинок не выдержал богатырского удара об ослепительно белый камень, со звоном разлетевшись на несколько кусков.

Душитель прервал свою горячечную тираду, с кривой усмешкой уставившись на обезоруженного варвара.

- Что, может, поборемся? - прорычал Черный Хануман. - Я когда-то любил позабавиться этим! Твоя зубочистка тебя подвела; быть может, руки окажутся крепче? - он расхохотался.

Безоружному Конану ничего не оставалось делать, как вновь отступать, кружа и кружа по залу. Ловкостью он многократно превосходил своего неповоротливого противника; однако никаких преимуществ Конан извлечь из этого не мог. Он чувствовал чудовищную силу, таившуюся в каменных мускулах Душителя; может, попытаться отступить по лестнице? Там, правда, Привратник...

Нет, этого делать нельзя, вдруг понял Конан. Прошлый раз меня спас Терша; второй раз в

одиночку там не прорваться. Только управившись с Черными Хануманом, дающим силы и жизнь бестелесным тварям этих подземелий, можно рассчитывать на то, что удастся выбраться...

В руках киммерийца осталась одна лишь изумрудная, статуэтка.

"Безжизненный кусок камня, ну что же ты?! Я ведь, помню, как твой брат-близнец помог мне! Неужто ты обманешь меня?!"

Душитель чуть прибавил прыти. Конан взмок, уворачиваясь от жадно тянущихся к горлу каменных пальцев, ослепительно белых и костяшек черных. Варвар понимал, что первое же их прикосновение будет означать смерть; и он хитрил, уклонялся, изворачивался, стараясь выиграть время и надеясь... на что? Какое чудо еще могло спасти его, запертого между двумя смертями?

Каменная длань Душителя с шипением рассекла воздух возле самой шеи Конана. Уклоняясь, киммериец задел край возвышения, на котором покоился трон Размышляющего Ханумана, потерял равновесие... И в тот же миг ужасающе сильные пальцы каменного бога впились киммерийцу в горло.

Боль была такая, что, казалось, сознание погаснет тотчас, как задутая ветром свеча; перед глазами взметнулись фонтаны ярко-алых молний. Жизнь и впрямь покидала Конана, выдавливаемая не знавшими преград каменными руками Душителя...

Однако варвар продолжал бороться. Боль, страх - все это взъярило его. "Врешь!" По подбородку струями стекала кровь, сознание мутилось, глаза уже ничего не видели, однако руки сделали то единственное, что им еще оставалось - со всех сил опустили фигурку Размышляющего Ханумана на голову его Черной Ипостаси.

Хватка страшных рук тотчас же ослабла, уши Конана заложило от яростного рева; Душитель дико ревел от непереносимой боли, обхватив ладонями разбитый затылок; из-под пальцев сыпались осколки раскрошенного черного и белого камня. Изумрудная фигурка же осталась целой...

Не теряя ни секунды, киммериец вновь замахнулся своим оружием, не давая врагу времени опомниться. Ему показалось, что еще немного - и он сумеет превратить злобного истукана в груду обломков.

Однако Черный Хануман оказался крепок. С ловкостью мастера рукопашного боя он перехватил в воздухе руку варвара - и киммериец с невольным стоном выпустил статуэтку из ослабевших пальцев. Изумрудная фигурка тяжело ударилась об пол, и каменная плита треснула.

Душитель пригибал Конана все ниже и ниже к полу; затылок изваяния раскрошился, от головы грозили вот-вот отвалиться и более крупные куски. Силы у Черного Ханумана не убавилось, однако движения стали какими-то неуверенными. Стремительно вывернутая кисть Конана, похоже, была последним усилием уже поврежденного ударом каменного мозга.

Правда, легче от этой мысли киммерийцу не стало. Пальцы черной, обугленной руки Душителя вновь грозили сойтись на его горле, но, извернувшись, как кот, Конан ухитрился ногой оттолкнуть страшную длань в сторону. Ненамного, но все же он сумел задержать ее; задержал и, рванувшись что было мочи, сумел вырваться. Каменные когти оставили на его груди и предплечье длинные и глубокие царапины, которые тотчас же начали кровоточить.

Теперь противники стояли лицом к лицу у самого подножия трона, на котором восседал невозмутимый Размышляющий Хануман. В отличие от своего зловещего собрата, он

оставался неподвижен.

В глазах Душителя Конан видел свою смерть. Отступать было некуда, в руках не осталось ничего, даже простого камня. Черный Хануман-Кивайдин надвигался, широко расставив руки-клешни со скрюченными пальцами... Конан рванулся в сторону, стараясь, чтобы между ним и Душителем оставался бы розовый трон с неподвижной статуей на нем. Ловкостью он многократно превосходил своего врага, и подобная игра, так напоминавшая детскую, могла бы продолжаться довольно долго.

И она действительно затянулась. Киммериец надеялся, что от каменного Кивайдина отвалится еще какой-нибудь кусок, после чего тот, если не помрет сам, то, быть может, не сможет передвигаться...

Однако этим надеждам варвара не суждено было сбыться. От надколотой головы истукана больше ничего не отпадало, и двигался он хоть и недостаточно быстро для того, чтобы схватить Конана, однако киммерийцу вряд ли удалось бы уцелеть, выберись он из-под защиты розового трона. Душитель напрочь отрезал Конану дорогу к валявшейся на полу зеленой статуэтке.

Кружа вокруг трона, киммериец лихорадочно пытался придумать выход. Если в голову ничего не придет, останется только очертя голову рвануться к статуэтке... Если сцапают - конец.

"Постой! А этот истукан на троне, вокруг которого мы носимся? Что, если попробовать его?.."

Подхваченный внезапным импульсом, Конан ухватился за голову статуи и что было сил рванул ее на себя. Суставы и сухожилия затрещали от страшного напряжения, вены вздулись - однако изваяние сидело, как влитое, на своем розовом троне.

Душитель уже оказался за спиной Конана. Ядовитая зеленая слюна жгла, словно огнем, затылок варвара. Конан дернулся, подтягиваясь к голове Размышляющего Ханумана, и Черная Ипостась промахнулась - вошла в ткань заплечного мешка, который Конан так и не успел снять - туда, где был карман. Раздался приглушенный рев, и Душитель так рванул Конана назад, что сидящая статуя начала, наконец, крениться. Хватка каменных лап тут же ослабла. Конан, рыча от невыносимой боли, вырвался и откатился, оглядываясь.

В пасти Черного Ханумана бился клубок алых огненных змеек, сестер тех, которые обглодали уже его руку. И в этот самый момент изумрудная статуя Размышляющего Ханумана обрушилась прямо на Душителя.

В последнее мгновение варвар заметил, как глаза Черного Ханумана расширились в неописуемом ужасе; он вскинул руки, словно пытаясь защититься, и истошно, тонко, визгливо заверещал, точь-в-точь как заметившая кобру банановая обезьянка...

Статуя Размышляющего Ханумана рухнула на Душителя, словно секира палача на шею осужденного. Вскинутые руки Черной Ипостаси сломались, точно были из сухого бамбука; вся тяжесть падающего изваяния ударила в надтреснутую голову изваяния, именовавшего себя Кивайдином, дробя ее на множество мелких обломков...

Спустя мгновение на полу вместо двух статуй оказалась лишь груда острых каменных осколков, в пыль обратился даже бриллиант Главного Глаза...

Конан перевел дыхание. Отчаянно-рискованный план удался... хотя вряд ли, конечно, ему удалось убить Бога...

От черного овального входа на ведущую вверх спиральную лестницу донеслось долгое тоскливое завывание, закончившееся полным несказанной боли предсмертным стоном -

призрачному привратнику изгнание его хозяина тоже пришлось не по вкусу.

Направляясь к выходу, Конан нагнулся, чтобы подобрать изумрудную статуэтку Размышляющего Ханумана. Он обещал отдать ее Скарфену и компании и выполнит данное слово. Киммериец невольно вздохнул, вспомнив сгинувший алмаз со лба большой статуи - достанься он ему, и роскошь до конца жизни была бы обеспечена... Впрочем - сожаление недостойно мужчины; добыча и так достаточно велика.

...Через много лет он отроет старательно запрятанные сокровища - когда ему понадобится армия для похода на Тарантию. Он станет королем; а начало дороги к аквилонскому престолу будет положено именно здесь, на затерянном вендийско-кхитайском пограничье.

...Конан поднимался по лестнице, держа перед собой выломанную из пола бронзовую лампу. Позади оставался виток за витком - и внезапно киммериец остановился, как вкопанный. На ступенях темнело пятно крови, а в середине его лежал полураздавленный, изуродованный трупик суслика. Терша принял здесь свой последний в этом мире бой.

Скулы Конана окаменели. Нагнувшись, он бережно поднял тельце; что бы ни случилось с самим божком, плоть его должно с почестями предать погребальному костру.

Дальнейший путь наверх оказался спокойным. И лишь выбравшись на поверхность, Конан внезапно услыхал странный хруст в своем заплечном мешке. Щурясь от брызнувшего в глаза яркого дневного света, киммериец поспешно распустил завязки - и с изумлением увидел, что в искристой изумрудной пыли ворочался, протирая глаза и отплевываясь, маленький обезьяний детеныш. Обомлевший Конан протянул к нему руку, и тот моментально вскарабкался на подставленную ладонь.

- Спасибо, - тоненьким, писклявым голоском проговорило существо, отряхиваясь. - Наконец-то я вернусь в мой храм! Спасибо тебе, Конан из Киммерии. Справедливость восторжествовала - мы с братом вновь предадимся размышлениям...

- С братом? - только и смог выдавить из себя киммериец.

- Ну да! Нас у отца было двое. Но Черная Ипостась, отвратительный и коварный Душитель, сумел когда-то взять верх. Отец. Отец пал... и храм обратился... ты сам видел, во что. Но теперь все изменится! - Обезьянка ловко спрыгнула с руки Конана и заковыляла к черной дыре входа в подземелье, а спустя мгновение из зарослей серым комком выкатился ее точный близнец; обезьянки последний раз взмахнули лапками, прощаясь, и скрылись во тьме.

Плита со скрежетом встала на место.

...А когда Конан добрался до лагеря, он застал Скарфена и прочих в ужасе глядящими на мелкие изумрудные обломки, оставшиеся от расколотой статуэтки Размышляющего Ханумана...